

#ONLINE-БЕСТСЕЛЛЕР

16+

Мария Британ

#БОЯТЬСЯ
НУЖНО МОЛЧА

САМЫЕ НАШУМЕВШИЕ КНИГИ РУНЕТА

Мария Британ

#Бояться нужно молча

Серия «#ONLINE-бестселлер»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34618334
#Бояться нужно молча: АСТё; Москва; 2018
ISBN 978-5-17-108321-2

Аннотация

Город номер триста двадцать заботится о своих гражданах. В городе номер триста двадцать давно царят закон и порядок – за этим пристально следят компьютеры. Но что, если идеальная система даст сбой? И что, если в действительности она не так уж идеальна?..

Искать ответы на эти вопросы Шейру Бейкер заставляет встреча с таинственным незнакомцем. Чтобы спасти сестру и других невиновных, ей предстоит проникнуть в центр правосудия – к серверам, где хранятся людские проступки. Но в обмен на чужие тайны Шейре придется пожертвовать собственными, даже если она привыкла бояться. Бояться молча.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	22
Глава 3	41
Глава 4	63
Глава 5	78
Глава 6	97
Глава 7	115
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Мария Британ

#Бояться нужно молча

© М. Британ, 2017

© Shutterstock, Inc., фотография на обложке, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

*Спаси меня, я заблудилась.
Ты слышишь? Я ещё жива.
В тот день без усталости молилась,
Забыв все нужные слова.*

*Я так слаба и так ничтожна.
Скажи, ты жив? Я в темноте.
Нам всё нельзя и много можно.
Ты здесь... Ты рядом. Ты везде.*

*Я слепну в этом полумраке.
Забилась в угол и лежу.
Я сломана. И пусть я с браком,
Ты слышишь?
Я
ещё
дышу.*

Пролог

Мы сидим на белой твердой кушетке. Втроем. Мы всегда втроем, и в этом наша сила.

Я улыбаюсь Альбе, но кажется, ей не страшно. Она отважная. Не то что я. Ник тянется к столу.

– Чего тебе? Колбочку? – будто взрослая, качаю головой я. Так делает мама, когда я плохо себя веду. Мне нравится за ней повторять.

Я хочу порадовать друга, но колба лежит слишком высоко. Спрыгнуть с кушетки? Страшно. Обратно не залезу, и Утешители будут ругаться.

– Шейра, не нужно! Он забыл, видишь? – фыркает Альба, указывая на играющего с дыркой в носке Ника. – Да, братик? – Она втягивает щеки. – Привет, я Дори. И у меня беда с краткосрочной памятью.

Я проглатываю смешинку. Этому мультику много-много лет, но он – мой любимый.

– Бяка-забияка, – ворчит Ник.

Альба рада такой реакции. Еще бы, поддела брата.

Я не достаю до колбы, зато до странного прозрачного шарика – запросто. Как интересно! Что это?

– Дарю, – говорю я и протягиваю добычу Нику.

Тот мотает головой.

– Ну и ладно.

Я прячу шарик в карман, чтобы дома рассмотреть получше, и уже не грущу, что попала сюда. Оказывается, в больницах тоже бывает весело. Когда не больно.

– Сколько здесь всего! – бубнит подруга, поглядывая на шкаф.

Она начинает нервничать. Как только мы вошли, я сразу заметила это деревянное чудовище со стеклянными дверцами. В нем хранятся и огромные шприцы, и ножницы, и еще куча страшных вещей. Не знаю, для чего они, но у меня море догадок. Одна ужаснее другой.

Боюсь даже представить, что скрывается за белой ширмой возле окна.

Родители хитрые – подкупили меня шоколадкой. Но пусть не думают, что в следующий раз я соглашусь. Даже килограмма конфет мне будет мало. Даже второго прозрачного шарика. Я сюда не вернусь.

Ни за что.

– Давай сбежим, – предлагаю я.

– Нас будут ругать, Шейра! – отрезает Альба.

Вот всегда она такая правильная. Аж зубы сводит.

– Хочешь, чтобы это, – я кошусь на огромный шприц в шкафу, – торчало из твоей руки?

– Нет. – Голос дрожит. Она вот-вот заплачет.

– Альба, давай сбежим! – кивает Ник, прижимаясь к сестре. – Пожалуйста!

Мы спрыгиваем. Обратной дороги нет. Без Утешителя

нам не забраться на кушетку. Он ушел недавно и сказал его подождать.

Крадемся к выходу. Мы с Ником едва сдерживаем радостный крик, Альба – крик отчаяния. Дверь открыта. Выглядываем: никого. Впервые я иду здесь без родителей. Как взрослая. Видели бы они меня сейчас!

Несемся вдоль закрытых кабинетов. Коридор разделяется на две части. Куда повернуть? Я не помню, как мы сюда пришли!

– Альба, Ник, Шейра! Вы куда? – летит нам вслед вопрос Утешителя.

Я не сбавляю скорости. Подруга, наоборот, останавливается и визжит:

– Бегите! Я его задержу!

Я слышала эту фразу в фильме – забыла, в каком, – и не могу сдержать улыбку. Мы похожи на героев боевика! Смелые, сильные и... взрослые.

Я хватаю Ника за руку и тяну за собой. Он не хочет бросать сестру, но я заставляю. Оглядываюсь: один Утешитель держит Альбу, другой идет за нами.

Мне не страшно. Это игра. Веселая игра. Родители, наверное, удивятся, когда узнают о моих приключениях.

Я толкаю первую попавшуюся дверь, и она поддается. Слабо мерцает настольная лампа. Здесь никого нет. Комната выглядит так же, как и та, в которой мы были.

Мы с Ником прячемся за ширму. Я трясую указательным

пальцем перед его лицом:

– Сиди тихо!

За нашими спинами уютится столик. На нем блестят ножницы и... колба. Я тянусь к ней, чтобы порадовать друга, но меня пугает грохот: кто-то вошел, и дверь ударилась о стену. Я дергаюсь. Ножницы падают.

Слышится вскрик. Из шеи Ника торчат два кольца и лезвие. Капает кровь.

Я моргаю, но ничего не происходит. Мир наполняется красными пятнами. Я вжимаюсь в ширму – что скажет Альба? А мама с папой? Они бросят меня, точно.

Набравшись смелости, я смотрю на того, кто недавно был моим другом. Он отчаянно цепляется за ножки кушетки, но не удерживается и падает. Рядом появляется алая лужица.

Кап-кап.

Кап.

Прости, Ник. Я убила тебя... нечаянно.

Глава 1

Я окунаю кисть в бордовую краску и рисую на голени гематому. От напряжения слезятся глаза, но осталось совсем немного. Мы превращаемся в сущностей. Кир крутится перед зеркалом, довольный новой внешностью. В его руках – парик с короткими седыми волосами, который он натягивает на почти лысую голову. Впрочем, почти лысая она для меня. Кир утверждает, что это – «ежик».

– Как-то ты долго сегодня, – нетерпеливо прыгает он.

Спортивная кофта трещит от резких движений. Она предназначена для парней-спичек, а Кир явно не вписывается в эту категорию. Миллион спичек – да, но никак не одна. Когда-то я подарила ему свитер на пару размеров больше, и он не разговаривал со мной целый день.

Кир хватает парик с длинными локонами. Целится. Мою макушку накрывает копна седых волос.

– Я ведь ногу крашу! Слепой, что ли?

Я срываю фальшивую прическу и швыряю ее в коробку с одеждой.

Здесь, среди реквизита и немытой посуды, находится наша контора. Штаб. Убежище. Горы хлама подпирают потолки, в углах мигают лампы. Вместо обоев стены украшает паутина. Пол утыкан железками, и я боюсь, что когда-нибудь пасть конторы сомкнется и эти клыки окажутся у меня в

ступне.

Треснувшее зеркало (да, я не верю в приметы), стол с красками, прогнившая кровать – вот и все, что нам нужно для счастья. И для кармы.

Я не поступила в Университет и теперь отвоевываю жизненно важные гигабайты в Сети. Я зарабатываю на пранках¹.

Мы с Киром дружим с детства. Когда нашли эту заброшку, были счастливы. Что здесь строили? Магазин? Лицей? Фитнес-центр?

Плевать. Сейчас здесь наша жизнь.

Второй этаж задыхается в пыли и плесени, но нам хватает и маленького зала. Деревянная лестница уже год как треснула.

Я бросаю кисть в воду. Работа завершена.

– Сегодня вообще улет! – усмехается Кир, изучая гематомы на моей щеке и ногах.

– Благодарю вас, коллега, – шутливо кланяюсь я. – Неужели мои уши не свернутся в трубочку от вашей «конструктивной» критики?

– А вы хотите?

– Нет, что вы. Я люблю свои уши.

Я достаю из коробки парик и кручусь у зеркала. Вот теперь все готово: я – сущность, голодное чудовище с белыми глазами и неестественно бледной кожей.

Карие радужки и зрачки скрываются за линзами. Мои

---

¹ Пранк – розыгрыш. – Здесь и далее примечания автора.

темные, почти черные волосы закреплены шпильками, лицо намазано серым, как грозовая туча, тональным кремом, и мне кажется, что скоро я начну метать молнии.

– Возьми перчатки! – кричит Кир.

Последний штрих – ладони. Линия жизни бойко пульсирует: я «наелась» кармы до отвала. Об этом говорит и маленький экран-индикатор, вшитый в кожу чуть выше правого запястья. Он светится зеленым. Десять гигов².

Я поправляю бежевое клетчатое платье и беру белые кашемировые перчатки.

– Идем?

– Ща, погоди.

Кир увлекся очередной гематомой. У меня есть как минимум десять минут.

Чем бы заняться?

Бросив перчатки обратно, я снимаю белые линзы и хватаю со стола другие – сетевые. Сеть засасывает реальный мир во тьму, словно сок в трубочку. Я попадаю в виртуальный коридор – испещренную ранами-дверями гусеницу – и приказываю нематериальному телу войти в ближайшую комнату.

На стене висит экран. Я щелкаю пальцами, чтобы его активировать. Загружается архив моих фото. Первая же папка – «Семья». То что нужно: я не видела родителей и сестренку, наверное, вечность.

На этом снимке мы втроем – мама, папа и я на фоне ново-

---

² Гиг – единицы измерения информации.

го дивана. Здесь Элла задувает двенадцать свечей на торте. Свежее фото. А потом – мы с папой играем в шахматы. В тот раз – дебютный и последний – я победила и записала свои ходы в планшет, чтобы не забыть, а мама подарила мне пояс с блестками, красивый такой, сейчас я ношу его как украшение и почти никогда не снимаю. Дальше мельтешат фото родителей и незнакомого мужчины в очках. Хмурые глаза, увеличенные толстыми линзами, дорогие часы... я бы дала ему лет шестьдесят. Глубокие морщины, тонкие губы и ни тени улыбки, в то время как мама и папа сияют во все тридцать два зуба.

Комната начинает качаться – это Кир трясет меня за плечо.

Приходится вернуться в реальность.

Он вырядился в порванную рубаху и черные бриджи. Вид у него хуже, чем у меня, – перестарался с гримом.

Мы выходим из штаба. Кир защелкивает на двери замок – привычка. Здесь, на окраине, в траве по колено, все равно никто не гуляет. Конечно, чуть поодаль есть дорога, но она тоже пустует.

– Может, вернемся за масками? – Я оглядываюсь. Между деревьями мелькает двор, окруженный тремя коробками-домами. Сегодня он – наша цель.

– Сова, ты чего?

Кир называет меня так, сколько я себя помню. Я действительно поздно ложусь и поздно встаю. Каждый раз, слыша

прозвище, я не могу сдержать улыбку.

– Ладно. Мы ведь недалеко.

Я успокаиваю скорее себя, чем Кира: тот уже бодро продирается сквозь траву. Ее не косят. За штабом, где простирается заброшенная стройка, обитают сущности. Обычных горожан сюда даже кармой не заманишь.

Но... Сегодня за нашим убежищем ошиваются люди в белых костюмах – Утешители. Я кладу ладонь на плечо Кира.

– Что там стряслось?

– Ты не слыхала? Нынче модно по опасным местечкам шляться. Там подростков партиями вывозят. По сто штук. Вот дурные, да? Экстрима им подавай.

– Да ладно, – ужасаюсь я.

Путь продолжается. Кир больше не говорит о несчастных детях, и я ему за это благодарна.

Во дворе никого нет. Неудивительно: сейчас полдень, почти все на работе. Лишь гаражи да старая шелковица взяли пожизненный отпуск. Качели вяло играют с ветром.

Настало время позаботиться о линиях на ладонях.

Кир достает из кармана металлический шарик с рисунком глаза и объективом в зрачке.

– Давай сюда! – Я указываю на ветку яблони над дорогой. – Как раз будет.

Друг закрепляет камеру на дереве.

Все готово.

Я волнуюсь. Как долго мы будем ждать?

Кир замечает мое нетерпение и ободряюще хлопает меня по плечу. Мы прячемся за угол дома. Я то и дело выглядываю, но ничего не меняется. Дорога пуста.

Спустя, кажется, целую вечность, взявшись за руки, к нам приближается влюбленная парочка. Знали бы эти ребята, какое испытание мы приготовили их чувствам! И маловероятно, что они выдержат, по крайней мере, я таких еще не встречала.

Когда влюбленные проходят мимо яблони в нескольких метрах от нас, Кир мне кивает.

Пора.

Мы тащим свои тела на дорогу. Дрожим. Спотыкаемся. Хрипло дышим. Мы голодны и ищем добычу.

Мне неприятно разрушать иллюзии, но позже разочарование отступит и я разрешу себе посмеяться над чужой наивностью.

В такие мгновения я начинаю бояться себя. После каждого такого спектакля мне сложно возвращаться в образ обычной девушки Шейры.

Я... просто не могу этого сделать. Или не хочу.

Сущности честнее нас – вот единственное, во что я верю. Мы ухмыляемся. Те двое замедляют шаг. Расстояние между нами сокращается. Они все слабее держатся друг за друга.

Да, влюбленные в биомасках, но от суеверного ужаса перед сущностями ни одного человека в городе это не спасает.

Они пытаются сохранить спокойствие. И хоть их глаз не видно, я знаю: они смотрят на нас.

Между нами остается не больше метра. Я улыбаюсь шире. А они стойкие! Обычно людям хватает двух секунд, чтобы смекнуть: время уносить ноги.

Кир издает свой фирменный хрип. Влюбленные напрягаются. Я тянусь к ним руками, точно поломанными ветками.

Оба взвизгивают – так звучит последняя капля.

Страх разрезает все связывающие парочку нити. «Их» больше нет. Есть только он, отталкивающий свою бывшую возлюбленную, и она, не жалеющая для нас, сущностей, криков и бессвязных слов.

Юноша бежит, спотыкается, падает, поднимается и снова бежит. Не оглядывается. Не вспоминает о том, что именно минуту назад говорил ей, своей кошечке. Или зайке?

Он отдает зайку на съедение волкам и не жалеет об этом.

Я тащу ее, рыдающую и испуганную, за угол. К нам присоединяется Кир с камерой. Он прижимает указательный палец к губам девушки, но та его царапает.

– Твою мать!.. – вскрикивает Кир, отдергивая руку.

«Зайка» что-то нашептывает себе под нос.

– Прости. – Я протягиваю ей флешку с гигом кармы. – Заслужила.

Мы молча уходим. Я чувствую спиной тяжелый взгляд жертвы нашего розыгрыша. Мы раскрыли ей глаза, показали, что этот парень недостоин ее любви, но я уверена: она нас

ненавидит. В городе номер триста двадцать не любят трезво смотреть на вещи. Это больно.

До штаба Кир шагает впереди. Он знает, что сейчас меня лучше не трогать, и дает мне время прийти в себя.

Кир скрывается за дверями конторы, а я прислоняюсь лопатками к стене. Пора превращаться в добрую Шейру. Я снимаю перчатки – линии на ладонях короче, чем до пранка. Проверяю индикатор – оранжевый. Прогулка без масок не прошла бесследно, но я ношу с собой запасную флешку. Поддеваю ногтем экран, обнажаю разъем USB и наполняю себя кармой. Легкое покалывание в пальцах, тепло – индикатор окрашивается в зеленый.

Ветер хлещет меня по лицу. Должно быть, у него черный пояс по карате и он ищет достойного соперника. Лето невзлюбило людей, но я его не осуждаю. Зачем нас, тех, кому предать – раз плюнуть, вообще согревать лучами солнца?

Я глотаю воздух. На небе танцуют облака. Их оплетают бесконечные сети путей, мелькающих машин и кабин. Все на работе – мы отработали.

Каждый такой розыгрыш изматывает не меньше целого дня, проведенного в офисе, но я все равно снова и снова возвращаюсь к пранкам. До сих пор надеюсь встретить нормальных людей. Людей, которые не предают. Попадутся ли они нам? Как жаль, что карма не понижается от подлости. А надо, чтобы обнулялась.

Но если так... Почему я не поседела пятнадцать лет на-

зад? Почему меня простили и я не стала сущностью? Я не заслуживаю того, чем живу сейчас.

Кир в курсе всего, что произошло. Мы говорили об этом лишь однажды и с тех пор не затрагиваем тему «X». Но я буду продолжать травить себя. Закрывать глаза и видеть полное ненависти лицо Альбы.

Чужое.

С того дня мы не общаемся. А когда сталкиваемся, делаем вид, что не знакомы, сильнее стискиваем зубы, внимательнее смотрим в стороны, жестче выпрямляем спины. И расстаемся, чтобы ночью снова вспомнить Ника.

Он не умер, нет. По крайней мере, так сказали родители. Хотели утешить?.. Он больше не появлялся дома. Месяца через три после случившегося, подбежав ко мне в школе, Альба прошипела, что не верит ни людям в белых костюмах, ни маме с папой.

А я верю. До сих пор. В свои двадцать четыре я храню каплю надежды.

Сколько бы ему сейчас было? Двадцать?

Я не лучше людей в наших видео. С этой мыслью я поворачиваюсь к стене и вожу по ней пальцами.

Тишину нарушает рев мотора. Не в небе – здесь, где уже вечность не ездит ничего, кроме детских велосипедов. Я смотрю через плечо: в сторону недостроек – ну не к штабу же? – несется огромная черная машина. Угловатая, с удивленными глазами-фарами и широкими колесами. Черная по-

верхность кузова блестит, будто свежепокрашенная. У автомобиля нет ни капота, ни крыльев, лишь спереди – обнаженное железное сердце.

Кажется, машина времени все-таки существует. Или хотя бы ключной портал. Иначе... откуда?

Размышляя над этим, я плетусь к двери, но вздрагиваю от внезапной тишины: кажется, гость из прошлого притормозил за моей спиной. Он ехал не к развалинам. Он искал штаб. Определенно.

Сердце замирает. Нет, Шейра, сейчас не время давать волю расшатавшимся нервам.

– Здравствуй, солнышко, – слышу я хриплый шепот. – А почему мы без маски? Разве можно?

Я напрягаюсь. Кто ты, гость из прошлого? Сущность? Маньяк? Военный?

Мой локоть летит в незнакомца, но тот отбивается и хватает меня за кисти. Я не успеваю развернуться – ладонь с черным безымянным пальцем зажимает мне рот. Из моей груди вырывается хрип.

Я рисую щекой на стене красную линию.

Кир рядом. Кир всегда чувствует, когда мне плохо. Кир найдет портал и швырнет туда гостя из прошлого. Кир...

Я дергаюсь. Мужчина сильнее, и это раздражает. Кто дал ему право так поступать? Или... он из Семерки?

А ведь без маски гулять незаконно. Я не сущность.

Черт, мне не отделаться легким понижением кармы!

– Я не причиню тебе вреда, солнышко. Успокойся, – бубнит он. – Я все объясн...

Нет, я не отдам ему флешку. Даже если он из Семерки. Не для этого сегодня разбилось очередное «мы».

– Х... Хорошо, – киваю я, а сама собираю последние крохи смелости и вырываюсь из его рук.

Незванный гость вскрикивает. Я отталкиваю его. Плевать, упал ли он, – я мчусь на всей скорости в штаб, а после – захлопываю дверь. К счастью, Кир позаботился и о внутренних замках. Теперь я рада такой привычке.

– Эй, Сова, ты в порядке? – Он сидит на кровати и хрустит сухарями. Воздух пропитан соленым запахом сыра.

– Я же просила не есть при мне эту дрянь! – Сдернутый мною парик летит в коробку.

– Ты вроде была не при мне. И, кстати, ты сегодня быстро.

Не обращая внимания на издевки, я бегу к зеркалу. Осталось полведра чистой воды, и я яростно стираю грим.

– Сова, ты какая-то бешеная. Даже я никогда не запираю дверь изнутри.

– На меня напали! – выдыхаю я. – Может, хотели обокрасть. А ведь флешка с двадцатью гигами кармы на дороге не валяется. Совсем люди сдурели! Они же обнулятся раньше, чем получат новый запас! Теория Семерки дает трещину.

– Действительно, странно, – соглашается Кир. – Как думаешь, ушел?

– Лучше выждать лишний час. – Я рассматриваю в зеркале расцарапанную щеку.

– Хорошо он тебя приложил, – присвистывает друг. – У меня мази были...

– Не надо. Само заживет.

– Но...

– Решил поиграть в мамашу?

– Понял. Давай тогда видео глянем.

Как жаль, что в штабе нет водопровода. Придется потерпеть, а потом искупаться дома.

– Ладно. – Я усаживаюсь на кровать и надеваю сетевые линзы. – Давай.

Плюхнувшись рядом, Кир включает камеру.

Мы погружаемся в мир недавних событий, но теперь стоим сбоку, у гаражей, и наблюдаем за двумя седыми сущностями со стороны.

Они нервничают.

Девчонка с гематомами на щеках и ногах постукивает пальцами по стене. Парень-миллион-спичек ее одергивает. Скрипят качели.

– Это вырежи, – фыркаю я. – Кому интересно наблюдать за двумя дурачками?

– Обижаешь, – качает головой Кир. – Конечно, вырежу. И еще эффектики разные добавлю. Яркость, контрастность, стилизацию. Нашел прогу шикарную! Ты будешь в шоке!

Я изучаю двор. Пустой. Безжизненный. Вот только...

Между качелями и шелковицей маячит темный силуэт, а за гаражами мелькают знакомые удивленные фары. Я шуюсь в попытке разглядеть все это получше. Мне уже нет дела до розыгрыша.

– Кир! – Я хочу потрясти друга за плечо, но тут же вспоминаю, что мы в виртуальном мире с виртуальными телами. – Кир!..

Я подаюсь вперед, но чем дальше иду, тем хуже изображение – камера у нас не самая навороченная. И все же у меня получается разглядеть кое-что важное. Кое-что, от чего по спине пробегает целая армия мурашек.

Черный безымянный палец.

– Это он. Это тот человек!

В плаще, слишком теплом даже для такого холодного лета. В шляпе и очках, но без биомаски. Мне не нужно всматриваться в прямоугольные стеклышки линз, чтобы понять: он не незнакомец.

По крайней мере, для моих родителей.

Глава 2

Я вытягиваю Кира в реальность. Дрожащими руками снимаю линзы. Судорожно хватаю ртом воздух.

– Сова! – трясет меня он. – Да это же хот-род³, чтоб его! Хот-род! Ты понимаешь? Понимаешь?!

– Я понимаю лишь одно, Кир! Владелец этой очаровательной развалюхи преследовал нас! И я не в курсе, что такое хот-род!

– Только попробуй еще раз назвать ее развалюхой, – обижается он.

– О боги! Ты вообще хоть что-нибудь слышишь?

– А ты?

– Меня чуть не обокрали!

– Да ей же, наверное, больше двухсот лет...

– Кир!..

– Ладно, – сдается он. – Ты безнадежна. Твои предположения: кто это был?

– Вор.

– Так чего ты тогда разволновалась?

Я вспоминаю снимки родителей и этого любителя экстрим-поездок. Откуда они его знают? Чего он теперь добивается?

---

³ Хот-род – в 1930-1940 годы: автомобиль с модифицированными для максимально быстрой езды характеристиками.

Горло сжимает обидой. Я до сих пор ощущаю грубую ладонь на губах, а ссадина по-прежнему ноет. Нет, он пришел не с миром. Он хотел меня уничтожить. Это звучало в каждом слове.

– Кир, я пойду. Мне... нужно отдохнуть.

– Ты серьезно? А вдруг он все еще там и ждет тебя?

– Тогда ты меня защитишь, – веселюсь я. – Защитишь же?

– Сразу смоюсь, – хохочет Кир. – На фиг мне это надо?

Сама спасайся.

– Вот погибну в борьбе за справедливость и буду являться к тебе в страшных снах. А потом ты впадешь в вечную кому, – зловеще шепчу я.

Кир шутливо пятится.

– Скинешь видео? Маловато кармы в запасе. – Я достаю из джинсового рюкзака биомаску и мягко прислоняю ее к лицу. Она вращается в кожу. Нет, не так – она становится мной.

Я снова законопослушная жительница города номер триста двадцать. Безликая, как и все остальные.

Я накидываю темно-коричневый плащ. Теперь гематомы на ногах никого не испугают.

Кир вновь в сетевых линзах – работает. Я не хочу его отвлекать, но все же говорю:

– До завтра. Приду в полдень, подумаем над новым розыгрышем.

– Ага, давай, – отвечает он, явно меня не слыша.

Я щелкаю пальцами перед его носом. Он вздрагивает:

недоволен, что я прервала увлекательное путешествие во вселенную контрастности и яркости.

– Чего тебе?

– Ты бы тоже домой пошел. Умылся бы по-человечески.

– Я съехал от родаков, – отмахивается Кир.

Я округляю глаза.

– С чего вдруг?

– Взрослая жизнь, все такое. Ты иди, иди.

– Точно?

Я хмурюсь. Почему он не сказал раньше? В этом весь Кир: волнующие темы держит при себе.

– Сова, ну я не маленький уже, правда?

– Да, да, – улыбаюсь я, а сама мысленно молю небеса, чтобы он наконец повзрослел. – Если что... Мой дом открыт для тебя.

– Мы вроде не снимаем мыльную оперу. Расслабься.

Нет, мне его не переубедить. Я обреченно плетусь к двери. Отпираю замок, выглядываю: снаружи никого. Неужели гость из прошлого починил свой глючный портал?

Мне сразу становится и легче, и веселее, и вообще, мир уже не кажется таким злым. Возможно, это и правда был вор?

Я мчусь через дворы к ближайшей остановке. За время работы с Киrom я выучила все повороты наизусть: оббежать булочную, войти в магазин бижутерии с одной стороны и выйти с другой. Три перекрестка, четыре небоскреба – и я

у цели.

Здесь я сливаюсь с потоком серых людей, наблюдающих за прохожими-близнецами. Они безлики, но я-то знаю, что каждый ищет на болезненно-чистой коже соседа хоть что-нибудь отличительное.

Знаю.

Потому что я – одна из них.

Здесь всегда одинаковая скорость. Два шага в секунду. Я как-то измерила ради эксперимента. Ничего не меняется. Монотонность разбавляют лишь тени машин и кабин.

Я замираю у стеклянного цилиндра высотой с соседний многоэтажный дом. Впереди – человек десять. Мало. Обычно в такое время у лифта собирается целая толпа.

Полукруглые двери открываются. Я дожидаюсь своей очереди и становлюсь на прозрачную платформу. Миг – и пространство наполняется вакуумной тишиной. С внешней суетой нас не связывает ничего, кроме стен. Мне нравится смотреть на улицы города через идеально вымытое стекло.

Я лечу.

Живот стягивается в узел. Каждый раз, когда лифт поднимает меня на остановку, я забываю дышать.

За эти пятьдесят две секунды в воздухе я готова кататься от неба до земли и от земли до неба бесконечно.

Створки дверей расходятся. Мы на крыше небоскреба. Перед нами – блестящие на солнце коридоры, тросы и транспорт. Внизу змеятся улицы. Жителям квартир не слышно ни

рокота поездов, ни шуршания кабин, ни разговоров пассажиров: стены и крыша звуконепроницаемы.

В трех шагах от меня – невесомость и пустота, но я не боюсь: нас окружает стеклянная ограда.

Я подхожу к экрану оплаты. Он светится голубым, но, как только я прикасаюсь к нему индикатором, зеленеет. Всплывают буквы:

«Шейра Бейкер, запас кармы удовлетворительный. Тем не менее после снятия мегабайтов на билет уровень понизится до среднего. Рекомендуем его повысить».

Это стандартное сообщение. Правило безопасности. Что-то вроде: «Все отлично, но, если вам станет плохо, мы не приделах».

Я нажимаю «Согласна» – на индикаторе появляется белая полоска-билет – и иду к кабинам. Мне везет: в той, что отправляется через минуту, – два свободных места.

Плюхаюсь на одинарное.

Кабина слабо покачивается, и, хотя держатели надежно закреплены на тросе, мне беспокойно. Мы высоко. Слишком.

Раздается мерное шуршание – мы отправляемся. Я наслаждаюсь серой дымкой города. Сверху центральная улица наминает огромного ящера, трусливо отбросившего хвост. Точнее, хвост ему передал магазин «Караван», что возле штаба. Где-то там Кир хрустит солеными сухарями с сыром и монтирует видео.

Меня высаживают на крыше моего небоскреба.

Я живу в двух шагах от Университета. Мне повезло: для молодого поколения построили огромный парк с фонтаном и тропками, выложенными брусчаткой. Раньше, по вечерам, я бегала там, но потом забросила эту затею. Со спортом мы расстались друзьями.

Дома меня встречает незастеленный диван. Я плетусь к нему, но сразу же себя останавливаю. Сначала – душ.

Когда грим смыт, а рюкзак разобран, я варю кофе. Этим летом он стал привычкой. Пока закипает коричневая гуща, я смотрю в окно, точнее – в стеклянную стену. Занавесок нет, да и кому они нужны? Любопытных зевак здесь не так уж и много. Окна выходят на пустынную местность, к солнечной электростанции. Тысячи фотобатарей ловят свет так же отчаянно, как я пытаюсь согреться.

Мой дом служит границей между бешеной жизнью студентов и спокойствием полей.

Я беру планшет, надеваю сетевые линзы и погружаюсь в виртуальную комнату «Закладки». На стенах висят сотни наших с Киrom работ. Под потолком написано, что пять минут назад был загружен новый ролик.

Губы греет улыбка. Кир смонтировал.

Заставка свежего пранка – две седых головы. Я могу дотронуться, чтобы воспроизвести видео, но мне нужно другое.

У нас три просмотра.

Кир «съел» свои полтора. Моя очередь.

Я снимаю сетевые линзы и втыкаю в планшет флешку. Она наполняется десятью метрами⁴ кармы. Вот сколько стоит один просмотр. Вот сколько стоит предательство.

Остаток дня проходит за блужданием по Сети и выискиванием веселых видео.

В голову лезут мерзкие воспоминания о незнакомце с черным пальцем. Я прогоняю их и, чтобы отвлечься, планирую завтрашний день. Встреча с Киrom, обсуждение новых пранков...

Сон подкрадывается незаметно. Он увлекает меня в хоррор кошмаров о маленькой девочке и о том, что она сделала. Нечаянно.

Не-ча-ян-но.

Я не сопротивляюсь – позволяю липкому ужасу подобраться к сердцу.

* * *

Комнату наполняет истошный писк дверного звонка. Я поворачиваюсь на бок и зажимаю ухо подушкой, но это не помогает. Взгляд касается настенных часов: восемь утра. Кому приспичило встретиться со мной в такую рань?

Чертыхаясь, я натягиваю футболку и шорты. Попутно рас-

---

⁴ Метр – сокращенное название мегабайта (единицы измерения информации)

чесываю волосы, вьющиеся после вчерашнего. Звонить не перестают. Я открываю дверь – на пороге топчутся родители.

– Привет, – говорю я хрипло. – Что случилось?

Мама хватается за сердце.

– Шейра! Что у тебя с лицом?

Я едва сдерживаю ругательства. Царапина вряд ли исчезнет в ближайшие дни.

– Упала.

– О, дорогая! Осторожнее! Мы пройдем?

У меня закрадываются подозрения, что им что-то нужно.

Через миг догадки подтверждаются: за спинами родителей прячется моя двенадцатилетняя сестра Элла.

Мама бежит в кухню. Ее нос морщится, а пальцы перепрыгивают с одной невымытой чашки на другую.

– Шейра, когда ты в последний раз убирала? Честное слово, тебе рано жить отдельно!

– Поверь, вы меня не выдержите и дня.

Я съехала от родителей сразу после окончания школы. Мы с Киrom разыгрываем людей с десятого класса. Накопленные гигабайты я потратила на однокомнатную квартиру и безумно этому рада.

Папа и Элла падают на табуретки у окна.

– Глория, чего ты завелась? – хмурится отец. – Она уже взрослая.

– Спасибо, что заметили, когда мне стукнуло двадцать четыре, – огрызаюсь я.

Мама накручивает на палец локон светлых волос. Накрашенные ярко-красной помадой губы растягиваются в улыбке.

– Доченька, женщины скрывают свой возраст...

– Что у вас случилось? – перебиваю я.

Срок демоверсии любезностей истек.

– Командировка, – объясняет папа.

Мама обнимает его за плечи.

– Я расскажу, Карл, – мигом серьезнеет она. – Милая, мы должны проверить кое-что важное. Тебе ведь известно, как нам дорога эта работа. А потом мы заберем Эллу домой.

Как ни странно, я рада такому повороту событий. В последние месяцы мы с сестрой мало общались, и я соскучилась.

А она? По серым равнодушным глазам не понять.

Я в сотый раз восхищаюсь тем, как Элла похожа на маму. Обе низкого роста, обе круглолицые. Обе блондинки.

– Вы надолго? – прерываю я затянувшуюся паузу.

– Недельки на две, не больше, – отвечает мама, как мне кажется, слишком беззаботно и весело.

– Надеюсь, исследования того стоят.

Мои родители – биологи, а я ничего не смыслю в митозе, мейозе и прочих научных премудростях.

– Конечно, стоят! Ты ведь не против, солнышко? – умоляюще шепчет мама.

Солнышко.

«Я не причиню тебе вреда, солнышко», – сказал тот, чьи грубые руки до сих пор ощущаются на губах.

– А почему именно «солнышко»?

В голове свистит, как в сломанном аккордеоне.

Не играйте на мне, не играйте...

Я массирую виски.

– Не нравится? – Сквозь маску беззаботности на мамином лице проступает тревога. – Дорогая, у тебя все в порядке? Ты так побледнела...

Я опираюсь на стол. Уши закладывает, будто под водой. Под водой, умеющей противно визжать. Мир наполняется ватой, и я не вижу ни родителей, ни кухню.

– Шейра! – Это голос папы. – Твой индикатор! Когда ты в последний раз принимала карму?

– Вчера... – мямлю я.

Вата везде. Скоро она забьет мне нос и рот. Скоро я задохнусь и, как рыба, всплыву кверху брюхом. Мелькают картинки привычных кошмаров. Пара вдохов – и они защекочат рыбку лезвиями. Остается надеяться, что...

«...Я Дори. И у меня беда с краткосрочной памятью».

Что ни завтра, ни через год я не вспомню того, что мне приснится.

* * *

Ко мне тянется длинная рука. Чья она? Папина? Нет. Я

смотрю на чужие ладони и кисти. Вены просвечивают сквозь тонкую белую кожу, и я, словно по тропе, следую взглядом выше. Миллиметр за миллиметром.

Мне страшно, я задыхаюсь, но не могу, не имею права закрывать глаза. Внутри меня, под ребрами, сидит голодный червь, жаждущий ужаса и слез.

Я – марионетка.

Рассматриваю чужое плечо. Медлить нельзя. Я не знаю, кого увижу, но этот кто-то выдавливает из меня жизнь, как зубную пасту из тюбика. Миг – и я закончусь.

Испарюсь.

Я резко поднимаю глаза – это единственный шанс не задохнуться от ужаса. Рывком Утешители вправляют вывихи, рывком же и я преодолеваю себя.

Все просто.

И до изнеможения сложно, потому что передо мной – Ник. Высокий, сильный, но с детским и наивным лицом. Как пятнадцать лет назад. Он не изменился. Он по-прежнему мне доверяет.

– Ты... жив? – спрашиваю я.

Мы в палате. Я – пациентка, на мне белая футболка и штаны. Я топчусь у кушетки, а рядом – мой друг.

Взрослый.

– Конечно, – смеется он. – Сомневалась?

– Нет. Где ты был?

– Искал. – Ник теревит карман брюк. Он в черном костю-

ме с белой рубашкой, будто мы не в больнице, а на празднике. В своей бесформенной одежде я чувствую себя рядом с ним неловко.

– Кого искал?

– Смысл жизни.

Оказывается, Ник вырос философом.

– И как? – спрашиваю я и отворачиваюсь к окну. Мне легче разговаривать, не видя детского, не изменившегося лица.

– Нашел, – шепчет он мне на ухо.

Я дергаюсь. Ник приблизился тихо. Без единого звука.

– Рада за те...

Что-то холодное и острое впивается в шею. Пламя отнимает у меня голос.

Кажется, я в аду.

Струйки тепла прокладывают дорожки на коже. На футболке расцветают ярко-красные розы.

Спасибо за цветы, Ник. Они прекрасны.

Я заслужила.

Боль ослепляет. Я не могу стоять. Мне нужно двигаться, прыгать, бить посуду и окна. Чтобы отдать часть огня. Чтобы выжить.

Зачем, Ник? Мы ведь были друзьями. Я ведь нечаянно сломала твою жизнь.

Я устремляюсь к окну, но тут же падаю. Боль сменяется ватой. Я вновь марионетка, слабая и беззащитная, но моими нитями никто не управляет, потому что я почти мертва.

Я собираю в кулак последние силы и нащупываю два кольца и лезвие.

По полу стелется туман. Различимы только силуэты.

Рядом со мной опускается Ник.

– Теперь мы квиты. – Он гладит меня по щеке. – Шейра, Шейра... Прости.

Ник заводит руку за мою голову. Я каждой клеточкой ощущаю, как он дотрагивается до ножиц.

Давай, вытащи их, пожалуйста...

– Прости, – повторяет он и сжимает два кольца.

Я ничего не чувствую. Меня нет.

* * *

– Мама, она пошевелилась! – слышится до боли родной голос. Элла?

Я приоткрываю глаза. Сестра закусывает губу и виновато улыбается.

Я лежу в спальне. За окном через сотни транспортных путей продираются солнечные лучи. Сколько же я проспала?

В комнату вбегают родители. Хмурый папин взгляд вжимает меня в подушку. Мама ходит кругами. От утреннего веселья не осталось и следа.

Что со мной произошло?

Я впервые в жизни упала в обморок, а потом мне приснился кошмар с Ником.

Сегодня сон был слишком правдоподобным.

– Ты чуть не обнулилась, Шейра, – сглатывает папа. – Мы, конечно, поделились с тобой пятью гигабайтами, но ты же понимаешь, что так безответственно относиться к здоровью нельзя? Ты могла превратиться в сущность.

Колочий ком близких слез раздирает мне горло.

– Я правда вчера обновляла запас.

Родители переглядываются. Они что-то решили. Что-то важное.

Что-то, что мне не понравится.

– Да чего вы, – в надежде шепчу я. – С кем не бывает? В обморок упала, ничего страшного...

– Доченька, все не так просто. – Мама едва не плачет. В последний раз я видела ее слезы в *тот* день. – Ты болела в детстве. И... Сейчас у тебя рецидив. Шейра, пожалуйста, пройди повторное обследование.

– Мне лучше.

Возвращаться к источнику кошмаров – самоубийство. Сны оживут, и я сойду с ума. Перестану казаться нормальной.

Перестану существовать.

– Шейра, это не обсуждается! – Мамина шея покрывается красными пятнами.

– Я достаточно взрослая, чтобы решать самостоятельно. Мне лучше. Езжайте, мы с Эллой справимся, правда? – Я подмигиваю сестре, и та облегченно выдыхает. – У меня есть

такие конфеты... М-м!

Я знаю, на что давить: Элла ужасная сладкоежка. Она радостно подпрыгивает, и я объясняю ей, где лежат карамельки. Сестра скрывается в коридоре, а у меня появляется время выпроводить родителей.

Я приподнимаюсь на локтях. Будто опровергая слова о том, что мне лучше, комната так и пляшет перед глазами.

– Куда вы едете? – уточняю я.

– В загородную лабораторию.

Загородную! По спине пробегают мурашки. Я не была за пределами города, не представляю, как течет жизнь снаружи, да и не хочу представлять. Что там? Разруха? Война? Эпидемия? Мир разделился на маленькие клочки земли. У нас нет туристов. Нет иммигрантов. Понятие «гостеприимство» давно потеряло смысл.

Наш город спасается кармой. Дисциплинирует себя. Здесь тридцать пять лет тихо. Нет взрывов, ограблений, стрельбы. А тот, кто осмеливается противостоять закону, превращается в сущность.

Я ни на секунду об этом не пожалела. Может, потому что не видела иной жизни.

– И как там? – Мой голос оплетают ростки неуверенности.

Папа гладит меня по голове.

– Мы ведь не едем в другой город. Просто будем за пределами нашего. Лаборатория в поле. До ближайшего мегаполиса семьдесят километров. Не переживай, нас туда и не

пустят.

– Пообещай, что подумаешь насчет больницы, – не сдастся мама.

– Обещаю.

Еще раз проверив мой индикатор, родители меня обнимают. Крепче, чем обычно.

Они взволнованы, но я не спрашиваю почему. Боюсь правды.

За мамой и папой захлопывается дверь. Я встаю и чувствую себя мягкой игрушкой. Из кухни доносится шуршание фантиков – Элла нашла конфеты.

В животе урчит. На часах – девять. Я пробыла без сознания не так уж и долго.

Не так уж и долго Ник меня убивал.

Я иду к сестре. Мир танцует еще энергичнее. *Хип-хоп?*

Соберись, Шейра. Единственная твоя болезнь – ночные кошмары.

– Сегодня вечером на одной стройке будет Игра, – сообщает Элла. – Давай сходим, ну пожалуйста! Там весело, точно тебе говорю! Развеешься. Твой индикатор, карма... Это от депрессии!

– Прости, но сегодня не могу.

Как только я переступаю порог кухни, раздается звонок в дверь. Родители что-то забыли или привели Утешителя?

Элла перестает жевать, а я, опираясь на стены, ковыляю к двери. Три раза поворачиваю замки.

Щелк-щелк.

– Да-да, нам нужно регулярно кушать и тепло одева...

Слова превращаются в осколки, раздирающие горло. Душащие меня. Я не кричу – нет сил.

На пороге – человек в шляпе. Гость из прошлого, чей портал до сих пор в ремонте.

– Привет, солнышко.

Мне не интересно, что он скажет, не интересно, почему он меня преследует. Я хочу забиться в угол. Укрыться от псевдодоброго взгляда.

Я больше не кукла – вата деревенеет и вспыхивает. Мышцы наливаются силой.

Я хватаюсь за ручку и, когда мужчина подается вперед, захлопываю дверь, но что-то мешает. Что-то... хрустящее.

Завершить начатое не позволяют пальцы. Четыре белых и один черный. В крови.

Я играю на рояле.

Так ему и надо.

В душе поселяется гнилая радость, но я одергиваю себя. Приоткрываю дверь и, когда пальцы незнакомца исчезают из виду, запираю все три замка.

Чего он хотел?

Я начинаю жалеть, что не поговорила о нем с родителями.

Меня трясет. Я сползаю на пол и прирастаю к холодному кафелю. Становлюсь его безвольным продолжением.

– Шейра? – Элла выглядывает из кухни.

На лестничной площадке раздаётся ругань.

– Ничего, все хорошо. Я сейчас приду.

Сестра молча садится рядом. Она понимает, когда лучше не спрашивать.

Сотни иголок покалывают ноги, Элла сопит у меня на плече.

Спустя несколько минут ненавистный звонок вновь терзает слух. Я готова вырвать его к чертям, лишь бы остаться наконец в тишине.

Элла подскакивает. Ее терпение готово лопнуть.

Это утро не закончится. Или я в бреду и мне снится очередной кошмар?

– Не открывай.

Элла боится.

Конечно, боится. Я бы тоже нервничала, если бы старшая сестра вела себя так странно.

Я поднимаюсь на носочки – с ростом мне не повезло – и смотрю в глазок. На пороге – парень в красных кепке и футболке, разносчик еды.

Надо мной издеваются! Если так пойдет и дальше, от доброй Шейры не останется и следа.

Я открываю дверь и заранее сжимаю кулаки. Нет никакой гарантии, что за спиной у юноши в биомаске не стоит тот, кто ласково называет меня солнышком и с кем я сделаю что угодно, лишь бы он не тронул нас с Эллой.

Поздравляю, Шейра. У тебя паранойя.

Парень отдает мне еду в белых вакуумных пакетах. Я прошу двойную порцию, и еще – чтобы обед и ужин нам прислали по связному ящику. Мало ли куда нас занесет вечером.

– Слушайте... Вы не встречали человека в очках, шляпе и с черным пальцем?

– Ой, точно! – Парень хлопает себя по лбу и извлекает из кармана письмо. – Он просил передать вам это.

Я сглатываю ком.

– Спасибо.

Разносчик уходит. Сердце стучит в бешеном ритме, ногти впиваются в пакеты. Индикатор на руке слабо попискивает.

Прежде чем начать изучать письмо, я прошу Эллу отнести еду в кухню. Почему-то я уверена, что о послании никто не должен знать.

Белая бумага сложена вдвое. Сверху небрежным почерком выведено одно-единственное предложение:

«Я не причиню тебе вреда, солнышко».

Мне с трудом удастся подавить желание разорвать листок и сжечь то, что от него останется. А вдруг у меня действительно паранойя?

Но я разворачиваю его и читаю написанное.

Глава 3

Я бегу. Мне жарко даже в такой холод, но я не останавливаюсь. Скорее бы обсудить все с Киром! Уж он-то посоветует, как поступить.

Я умолчу лишь о падении кармы – не переживу его жалости. Она окончательно меня обессилит.

Когда я пересекаю двор, где вчера в очередной раз рассталась еще одна влюбленная парочка, с неба срываются капли. Внезапно налетели тучи, мечтающие выстирать небо и заодно – нас.

Штаб выглядывает из-за деревьев. Кир вот-вот превратит события этих двух дней в шутку, и я позволю себе забыться, слушая его смех.

Я дергаю дверь за ручку. Незаперто, значит, друг дома.

В пропитанной грязью и сыростью комнате ничего не изменилось. Кроме одного: Кир храпит в обнимку с какой-то блондинкой. К счастью, оба под одеялом.

Зайти позже?

«Но вы договаривались в полдень», – ворчит моя внутренняя зануда.

Я проглатываю обиду. К черту разборки. Я не такая, мне нельзя быть такой.

И Киру действительно давно пора завести подругу.

Я пячусь на цыпочках, но в последний миг задеваю лок-

тем замок, и тот с грохотом падает. Я проклинаю и привычку Кира вешать на двери железки, и свою неуклюжесть, и вообще весь белый свет. Кир, конечно, просыпается. Девчонка недовольно сопит.

– Прошу прощения. – Щеки полыхают огнем, и я мысленно боготворю биомаску. Хорошо хоть, что я ее не сняла.

– Сова? – Прикрываясь одеялом, Кир подскакивает и нервно ерошит волосы.

– Расслабься. Зайду через часик, – мямлю я.

Он пристыженно хмыкает, а его подруга поворачивается на бок, и я вижу ее лицо.

Лицо из моих кошмаров.

Она не так молода, как кажется. Я помню ярко-синие радужки, болезненную бледность и слегка искривленный рот. Она мила. Асимметрия ей к лицу.

Мы познакомились пятнадцать лет назад, когда она, младший Утешитель, – наверное, ей только стукнуло восемнадцать – мчалась за нами с Ником по больничному коридору, а потом нашла девочку с окровавленными ножницами и ее полумертвого друга.

Помнит ли она меня?

К горлу подступает тошнота. Не здесь, Шейра. Не здесь.

Утешительница – я помню, что ее зовут Карина, – морщится. В глазах отражается тень злости, но она быстро сменяется доброжелательностью:

– Кир, кто это?

– Моя... Кхм... Моя коллега.

Коллега?

Мы дружим с первого класса, и теперь, когда я застукиваю его в постели с женщиной, все, на что он способен, – «моя коллега»?

Я не сдерживаюсь и шиплю:

– Твоя коллега желает пообщаться с тобой наедине.

И отворачиваюсь, чтобы они оделись.

– Будь осторожен! Кажется, она хочет тебя съесть. Это не по-дружески, пусть для меня кусочек прибережет, – фыркает Карина и хлопает дверью.

В комнате кристаллизуется тишина, но уже через миг ее нарушает яростное сопение Кира.

– Ну и что ты натворила?!

– Угадай, сколько ей.

– Как и мне.

– Нет. Она старше нас лет на девять, – выдаю я.

– Врешь.

– Серьезно.

Я неохотно рассказываю, где познакомилась с Кариной, и хлопаю Кира по плечу.

– Да ты не переживай. У меня есть новости покруче.

Я протягиваю ему письмо.

– О чем ты вообще? Ты только что выгнала мою...

– Читай, – перебиваю я.

– То есть этот хмырь на самом деле не хмырь? – после

минутного молчания уточняет Кир.

– А разве «не хмыри» предлагают шариться по больницам правительства?

– Написано же, что ради благой цели. Ты как читала-то? – Не замечая моего предостерегающего взгляда, он вытаскивает из коробки сухари.

– Ну да! Благоя цель полностью его оправдывает!

По штабу расплывается запах сыра.

– Черт, Кир! – Я зажимаю нос.

– Да забей. Будешь?

– Нет.

Сейчас я должна определиться, на чьей стороне играть. И стоит ли.

Оскар – так гость из прошлого назвал себя в письме – предлагает пройти отборочный квест. Он ищет команду, чтобы проникнуть в третий блок. Туда, где держат существей. Говорит, что в моих интересах согласиться. Что мы спасем сотни людей. И что это связано с кармой.

Но я не верю. Ни одному слову.

По пути в контору я раз сто начинала набирать номер родителей, но останавливалась. Чутье подсказывало, что звонок все изменит. Я бы вылила море вопросов на Оскара, но...

Мне страшно, черт возьми. Вдруг это ловушка? Вдруг он – жертва наших пранков и мечтает о мести?

– А что он имел в виду под фразой «в твоих интересах»? –

Это Кир перечитывает письмо.

– Фиг его знает, – вздыхаю я, а сама вспоминаю утренний приступ. Вдруг Оскар намекнул на мою болезнь?

– Как хочешь, – передергивает плечами Кир. Он подкидывает сухарик и пытается поймать, но тот летит мимо рта. – Я бы пошел. Ты прикинь, как было бы весело! Погони, драки, перестрелки...

– Кое-кто помешался на боевиках.

– Согласен, такие приключения не для нежненьких девочек. А вот для меня... в самый раз!

Я швыряю в него подушкой. Кир с возмущенным вскриком отвечает мне тем же. На счастливые полчаса мы забываем и о странном незнакомце, и о Карине.

– Хватит уже, давай пранк обсудим, – говорю я, когда мы оба окончательно выбиваемся из сил.

Кир предлагает сюжет с клоуном-садистом, а я – со смертью. Я уступаю, потому что костюм клоуна, в отличие от козы и черного плаща, у нас уже есть.

Мы достаем зеленый комбинезон с разными пуговицами – розовой большой и синей маленькой – и репетируем. Кир молотом «пробивает» череп жертвы. Я прячусь под курткой, а удары отбивает макушка манекена.

В шесть наши животы начинают урчать. Кир угощает меня порцией сухарей: у него скопилось пакетов десять.

Еще одно преимущество города номер триста двадцать – индикаторы, управляющие кармой, обследуют нас и при ма-

лейших изменениях передают информацию в Центр Питания. Там готовят кашу со всеми необходимыми веществами и витаминами. Бесплатно.

Мы рискуем стать сущностями, и это наименьшее, что правительство может для нас сделать.

Еду присылают по связным ящикам, но город заботится о лежачих больных и таких лентяях, как я. Одно слово – и парнишка в красной футболке запакует тебе целый букет из витаминов и минералов и оформит заказ с доставкой на дом.

Да, на каждом углу мелькают магазины, куда завозят все – от стейков до ванильного печенья – но там нужно платить поступками. Кармой.

Меня же устраивает вкус каши. Сладковатый, с кислинкой. Впрочем, он и правда иногда надоедает, и тогда мой индикатор краснеет от незапланированных, но приятных затрат.

Поужинав, я прощаюсь с Киром. Похоже, друг останется на моей стороне, какое бы решение я ни приняла. От этой мысли настроение улучшается.

Сегодня тот редкий день, когда я иду в магазин на центральной улице – в тот самый «Караван», оторвавший ящеру хвост. Здесь десять этажей. Найти товар помогают наушники-путеводители. Их мало, но мне везет, и я забираю последние.

– Меня зовут Лори. Приветствую вас в «Караване»! – вещает звонкий голосок. – Удивительном мире покупок и

счастливых неожиданностей!

– Давайте без неожиданностей. Сыта ими по горло, – фыркаю я.

– А как насчет физической сытости? – заговорщицки шепчет робот. – Роллы? Пицца? Две по цене одной!

– Сладости, – командую я. – Отдел скидок.

– Они ждут вас на пятом этаже!

По пути Лори умоляет меня заглянуть в сектор одежды, но я непреклонна.

– Что делать, если работа небезопасна? – продолжает голос. – Если вы гуляете по ночам и даже биомаска кажется вам ненадежной защитой? Товары из магазина «Шок» избавят вас от навязчивых страхов!

Я клюю на яркую светящуюся вывеску. В маленьком зале продаются электрошокеры – единственное в городе легальное оружие.

Я медлю, раздумывая. Если соглашусь на встречу с Оскаром, нужно быть готовой ко всему. В итоге покупаю себе один – дешевенький и маломощный – и прячу его в карман, подальше от любопытных глаз. Лори пищит от радости.

На пятом этаже малоллюдно. Я направляюсь к сектору с пирожными и шарю в холодильнике, разрываясь между моими любимыми эклерами и тортиками.

Тишина давит на уши. Из колонок не льется музыка, да и Лори помалкивает. Мне становится неуютно.

Стоп.

Я почти физически чувствую, как по спине скользит чей-то взгляд.

Парень в серой толстовке. Лицо скрывает тень капюшона, руки – в карманах. Замечает меня и тут же отворачивается к полке с чипсами. Станный. Нервный. Жители города номер триста двадцать не ведут себя так... взволнованно.

Вас слишком много, безумные незнакомцы.

Я радуюсь тяжести электрошокера. Я готова, кем бы ты ни был. А ты?

Беру семь эклеров. Чтобы добраться до касс, нужно пройти через отдел чипсов. Я втягиваю воздух. У тебя просто паранойя. Услышала? Теперь – вперед.

Незнакомец, кажется, тоже затаил дыхание. Он не смотрит на меня, но я чувствую его напряжение. Парень замирает над очередной пачкой чипсов, а заляпанный чем-то темным рукав подрагивает на весу.

Небо, да это же засохшая кровь!

Я ускоряюсь. Безумец из прошлого, молю, почини свой ключный портал и прихвати с собой этого типа! Я вам даже пару флешек подарю, только не трогайте меня, а?

– О'кей, Лори, как лечить паранойю? – хриплю я, почти доковыляв до кассы. – Трусиха, – прибавляю, обращаясь уже к себе.

– Что делать, если работа небезопасна? – заводит старую песню робот.

– Плакать.

Я кладу эклеры в считывающую коробку. Таких здесь штук сорок, чтобы не было очереди. Рядом – экран как на остановке. Я подношу к нему запястье. Индикатор окрашивается в оранжевый. Странно. После того как родители пополнили мне карму на пять гигов, я добавила еще шесть. Для уверенности.

Да, я перенервничала утром, и ярко-зеленый квадратик превратился в салатovýй. Но сейчас он приближается к красному.

У нормальных людей запас так быстро не тратится.

У нормальных.

Я не вписываюсь в эту категорию.

Обдумываю события уходящего дня. Вроде не совершила ничего, за что у меня отняли бы карму. Наоборот, в кабине я уступила место ребенку. За такое прибавляют пару байтов. Немного, но приятно.

Эклеры не стоят и четверти гига. Электрошокер я купила за тридцать метров.

Спокойно. Заработки от просмотров немалые. Хватит.

«На пару недель, если будешь пожирать карму такими темпами», – причитает моя внутренняя пессимистка. Или реалистка?

Сейчас я с ней согласна.

Я хватаю эклеры и мчусь домой.

– Элла, угадай, что у меня есть! – кричу я с порога.

Мне отвечает тишина.

– Элла?

Я мечтаю, чтобы раздался истошный писк звонка. Топот, голоса, что угодно. Лишь бы не гнетущее молчание.

Оббегаю комнаты – сестры нет. Да, да, она взрослая и гуляет, когда захочет. Но она всегда предупреждает.

Я переступаю порог кухни. На столе лежит записка: «Я на Игру. Буду в девять».

Что за Игра?

«Давай сходим. Пожалуйста!»

«Развеешься».

«Это все от депрессии!»

Отлично. Увлеченная собственными призрачными страхами, я забыла о нашем утреннем разговоре.

Прикрыв глаза, я опускаюсь на стул, и он жалобно скрипит под моим весом... Что?

Я вскакиваю и тянусь к оставленной на столе биомаске.

Элла вышла на улицу с открытым лицом.

С открытым. Лицом.

Я включаю планшет и набираю ее номер. Какие же длинные гудки! Из спальни доносится песня в жанре скримо⁵, установленная на звонке у сестры.

Элла обрезала ниточки, оборвала мосты и забаррикадировала дороги. Не оставила мне ни единого шанса.

Ужас подкрадывается к сердцу, и оно отзывается: стучит,

---

⁵ Скримо – музыкальный жанр, появившийся благодаря хардкор-панку и эмо в начале 90-х.

едва не проламывая ребра. Я ощущаю мир до боли пронзительно. Ноги несут меня на улицу.

Я обязана найти Эллу. Вот что пульсирует в висках. Вот что обжигает мышцы.

А если... Нет, забудь о плохом, Шейра. Ты не опоздаешь. Мелькают дома и дороги. Я прыгаю взглядом с небоскреба на небоскреб. Элла упоминала какую-то стройку. Стройку, на которой должна победить.

Я застываю посреди центральной улицы. Монотонное движение подхватывает меня. Два шага в секунду.

Крик не находит выхода и превращается в слезы. Я прижимаю кулак к губам.

Думай, Шейра, думай!

Где в городе опаснее всего?

Ответ до смешного прост.

Там, где Эллу поджидают сущности.

Моя сестра отправилась на стройку, где обитают голодные и беспощадные существа. Люди, лишённые кармы.

Люди, не прощающие ошибок.

А если Игра заключается в том, чтобы выбраться со стройки не обнуленным, с зеленым индикатором? Если Элла не надела маску специально?

«Нынче модно по опасным местечкам шляться. Там подростков партиями вывозят. По сто штук. Вот дурные, да? Экстрима им подавай».

«Экстремалов» обезвреживают люди в белых костюмах и

масках. Вчера перед пранком мы это обсуждали. Я помню. И до сих пор стою за черт знает сколько остановок до штаба.

Я будто просыпаюсь – расталкиваю прохожих, они ругаются, но это неважно. Два шага в секунду – слишком медленно, чтобы не умереть.

Глупая наивная девчонка! Во мне борются раскаленная злость и страх, всепоглощающий страх.

Как она могла так поступить? Как я могла не прислушаться к ней?

Я сажусь в кабину на неизвестном мне небоскребе. Еду в тысячный раз, но лишь сейчас понимаю, какой это нерасторопный транспорт. Клянусь себе, что теперь буду ездить на поездах.

Разбить бы экран управления, растоптать, выкинуть в окно. Если бы в кабине был водитель, а не компьютер, я бы заставила его выставить максимальную скорость.

Жарко. Струйки пота щекочат шею. Я задыхаюсь и начинаю подвывать. На меня косятся картонки-люди. Царапаю сиденье – лишь бы отвлечься. Пусть из моего запаса вычтут полметра... Или какой там штраф за мелкое хулиганство?

Наконец двери открываются. Остановка. Лифт. Долгие пятьдесят две секунды. Мне больше не нравится кататься в стеклянном цилиндре. Я его ненавижу.

И возненавижу этот город, если он украдет у меня Эллу.
Шаг. Еще шаг.

Еще тысячи шагов до того места, где решится судьба сест-

ры.

Или уже решилась.

Я несусь мимо домов и заросших садов. Справа маячит штаб. Мне некогда звать Кира. Я впервые пойду на стройку одна.

Мы были там трижды, изучали поведение существ для пранка.

Эти твари иногда охотятся в городе, поэтому людям запрещено снимать биомаски на улице.

Я пытаюсь выровнять дыхание, но тело, словно проколотый шарик, сдувается.

Может, я ошибаюсь и Элла выбрала менее опасное развлечение?

Вскоре передо мной вырастают заплесневелые стены. Под ногами разбитые кирпичи, у зданий нет крыш – сплошные серые лабиринты. На дорогах желтеет засохшая трава. Тихо. Здесь всегда тихо.

Они любят молчать, когда нащупывают уязвимые места своих жертв.

Я скольжу пальцами по лбу. Биомаска скрывает лицо. *Они* не увидят главного – глаз.

Я мягко ступаю по заросшей тропе. Между сухими стеблями-иголками похрустывают камни. Колени пружинят. Я готова убежать в любой момент.

Или сделать так, чтобы убежали они.

Я отошла от штаба метров на четыреста. Этого мало. Нуж-

но пробраться в сердце их логова – на арену разрушенного цирка.

Раз в неделю Утешители обыскивают стройку. Как по мне, редко.

Стены расступаются. Поздравляю, Шейра, ты прошла первый этап Игры. Правда, нечестно – с маской.

Трава и кусты обступают черный круг арены. Лет пятьдесят назад она была красной и сюда приходили дети, чтобы поглазеть на львов и смешных людей.

Что теперь?

Сюда приходят такие же дети. Приходят и отдают свои жизни сущностям – непонятно во имя чего.

Хруст.

Им надоело молчать. Они пришли за мной.

Я осматриваюсь: Эллы нигде не видно. Тварей тоже – прячутся. Готовятся к нападению.

– Шейра! – раздается за спиной до дрожи знакомый голос. Я рада, я безумно рада его слышать.

Я оборачиваюсь и молю небеса, чтобы волосы сестренки не оказались седыми. Чтобы ее море плескалось, а не спало подо льдом.

Вот ты где, Элла. Моя родная Элла.

– Зачем? – слетает с моих губ. Я едва сдерживаю слезы. – Вот... – Испуганная до чертиков, я забыла маску сестры дома, поэтому делюсь своей. – Тебе нужнее.

Но Элла не спешит становиться безликой.

Мне неудобно, будто с меня сняли одежду, а затем привязали к столбу на центральной улице.

– Успокойся, – качает головой Элла. – Игра не окончена.

Границы моего терпения постепенно стираются.

– Что не так?

– Игра заключается в том, чтобы добраться до арены и не обнулиться. Я последняя.

– Тогда где остальные?

– Вот.

Из-за стен появляются десятки седых подростков с белыми зрачками и гематомами. Маленькие, худые, но больше не добрые и не наивные. Больше не дети.

Мне хочется кричать, срывать голос, чтобы добраться до их сердец. Я уверена: чувства тех, чьи волосы больше не будут ни русыми, ни черными, еще теплятся в этих телах.

И, возможно, они позволят нам уйти. Совершат последний добрый поступок, прежде чем перемолоть себя в мясорубке голода.

– Пожалуйста... – шепчу я.

В городе, на улицах, дежурят Утешители. Появляется сущность – ее увозят в третий блок. Туда, где она никого не «съест». Только это бессмысленно. Обнуленные все равно сбегают.

Но кому нужна стройка? Люди в здравом уме сюда не суются. Кроме тех, для кого адреналин дороже жизни. Кроме тех, кто готов заплатить кармой за проигрыш в Игре.

На фонарном столбе, у арены, краснеет кнопка. Она подает сигнал Утешителям.

Если не нажму – они приедут через неделю.

Нас с Эллой найдут в понедельник, как раз тогда, когда мы, новые монстры, уже сойдем с ума от голода и забудем, что такое жалость.

Я плавно приближаюсь к столбу. Сущности следят за каждым моим движением.

– Надень маску, – умоляю я сестру и замираю от ужаса.

Элла отдает ее бывшим друзьям, а сама растет, худеет, бледнеет. Лицо теряет форму лишь на миг, затем – становится овальным. *Чужим.*

Волосы седеют. Зрачки покрываются белым налетом.

Передо мной не моя сестра. Я отдала биомаску сущности и добровольно согласилась обнулиться.

Дура.

Я знаю, как эти твари умеют обезоруживать. Как притворяются, копируют голос и внешность. И все равно попалась.

– Шейра, я здесь! – Ко мне бежит еще одна Элла.

Настоящая ли? Истерические всхлипы, трясущиеся пальцы, шрам на мизинце – в пять лет ей на руку упала железная игрушка-птичка... Она. Она!

Сущности скалятся. Ликуют. У них две жертвы. Первые жертвы, у которых они украдут здоровье.

Сестра жметя ко мне. Я прикрываю ее собой. Пара шагов до столба – и мы спасены. Утешители приедут быстро, вот

только дождемся ли мы?

Над стройкой тянется едва заметная дорога. Одна. Странно не видеть паутины маршрутов.

– Давай я их отвлеку, – предлагает Элла.

– Не высовывайся.

– Это я виновата. – Голос дрожит. Она плачет.

– Не спорю, – мрачно хмыкаю я. – Приготовься.

Я нажимаю на кнопку. Арена тонет в тишине. Внезапно «недети» кидаются на Эллу. Я не успеваю ее защитить. Сущности выстраиваются в полукруг и шипят. Девчонка, одурившая меня, подбегает к моей сестре. Из глаз этой твари к глазам Эллы тянутся нити.

Она ее ест.

Ко мне ковыляют две сущности.

Я вспоминаю об электрошокере – он слабый, но этого достаточно, чтобы их отпугнуть, – и хватаю за кисть девочку лет одиннадцати. Раз за разом умираю, причиняя боль ребенку. У сущностей от малейшего удара током на теле возникают гематомы, но у меня нет выбора.

Первая девочка испуганно отпрыгивает. Затем вторая. Спазмы в желудке не дают мне покоя – ужин просится на свободу. Я со всех ног несусь к маске. Сущности бросили ее неподалеку от арены. Успею.

Десять шагов в секунду. Вот, что мне нужно!

Я прыгаю и растягиваюсь на земле. За мной идут. Захлебываясь в песке и пыли, я продолжаю ползти к маске.

Пальцы касаются шершавого мягкого материала. Я отчаянно сжимаю наше спасение и поднимаюсь. Я вновь безлика. Вновь в одежде. И больше не боюсь маленьких монстров.

Элла не кричит. Ниточки с каждым мгновением тоньше, а ее лицо – бледнее. Сестра не шевелится – не может. Когда из тебя выкачивают столько кармы, мышцы становятся деревянными.

– Отпустите ее! – визжу я и бросаюсь к Элле.

На тросе появляется черная кабина. Крепление удлиняется и опускает ее к нам.

Я рада. Счастлива.

И мчусь к Элле, но кто-то бьет меня по голове. Я падаю. Хватаюсь за края реальности, только бы не выпустить из виду сестру. Сейчас я ничем не смогу ей помочь, но должна видеть. Я не потеряю сознание и не брошу ее одну наедине с этими тварями.

Утешителям остается совсем чуть-чуть, когда локоны Эллы начинают сесть – волосок за волоском, быстро, нестерпимо быстро.

Я воплю, надрываюсь, но ползу к ней.

А она как ни в чем не бывало смотрит на сущность, нагло выкачивающую из нее последние капли жизни. Методично и беспощадно. Для седой девчонки это – способ утолить голод на пару часов, а для моей сестры – конечная станция под названием «необратимость».

– Элла! – Я цепляюсь за ее лодыжку. Встать не получает-

ся. Мир танцует, а я не попадаю в ритм. – Пожалуйста, опомнись! Умоляю!

Элла ничего не замечает. В ней бурлит сомнение, но кокон слишком плотен, чтобы она смогла пробить его и разорвать связь между собой и сущностью. У моей любимой сестренки – седые локоны.

Они тебе не идут, Элла.

Из кабины выпрыгивают две безликие женщины в светлых костюмах – рубашках и брюках. Они безупречны. Идеальны. Одинаковы. Стройные фигуры, длинные ноги, сильные мышцы.

Движения Утешительниц резки и четки. Без лишней суеты они оглушают сущностей. По очереди, одну за другой, словно щелкают орехи, без жалости и сожаления. Они понимают, что перед ними не дети, и работают.

Маленьких монстров ждут палаты в третьем блоке. Им там даже понравится.

Головы Утешительниц пропитаны информацией о болезнях, а сердца тверды. Со временем привыкаешь к сломанным судьбам. Вырабатывается иммунитет. Эти женщины разучились жалеть. И я не знаю, завидовать им или сочувствовать.

Сущности не сопротивляются – вялые удары не в счет. Они истощены и поэтому слабее людей. Без кармы так будет всегда, а восполнить ее после черного порога невозможно.

Не проходит и минуты, как Утешительницы побеждают.

Седые дети без сознания. Теперь они не выглядят угрожающе. Они снова маленькие и наивные.

Связь между сущностью и Эллой тает, и сестра хрипло втягивает воздух. Я до сих пор сжимаю ее лодыжку.

– Все позади, – шепчу я. – Все позади...

Женщины смотрят на Эллу.

– Она не переступила черный порог, – убеждаю я сама себя. – Не успела.

Поднимаю голову, чтобы обрадоваться светлым кудрям, и сердце тонет в море ужаса. Моя сестренка опускает глаза. Белые глаза.

– Прости меня, Шейра. Мне... жаль. Не проболтайся родителям, хорошо?

Она будто не понимает. Будто не ощущает, что пересекла черту.

– Вставай, родная. – Она подает мне руку, но я пячусь.

Нет, это ложь. Я сплю.

Давай, Шейра, просыпайся. Просыпайся!

– Почему так светло? – хмурится Элла, поворачиваясь к Утешительницам.

О, сестренка, теперь ты всегда будешь видеть слишком ярко, слишком пронзительно. Чтобы не давать шансов жертве. Чтобы ни на миг не забывать, в кого превратилась. Ты наказана, как наказывают серийных убийц и маньяков. За что? За то, что проиграла.

– Мы ее забираем, – цедит одна из Утешительниц, а затем

обращается к Элле: – Надеюсь, тебя не надо обрабатывать, как этих?

– Почему... – Сестра закусывает губу. – Почему так тошнит? И кружится все. Холодно. Мне... Мне плохо...

– Пойдем. – Женщина увлекает ее в кабину.

Вторая Утешительница переносит в салон безжизненных детей.

– Нет! Не надо! – воплю я. Сердце-молот стучит в каждой клеточке тела. Откуда-то появляется немного силы, и я трачу ее на то, чтобы вскочить. – Пожалуйста! Элла! ЭЛЛА!

– Я сущность? – одними губами спрашивает сестренка. Она спокойна, но мне ли не знать, что за тонкой корочкой льда – отчаянное пламя. – Шейра, не говори им. Хотя бы сейчас, пока они в командировке.

Элла переступает порог кабины.

– Да послушайте вы меня! – Я цепляюсь за плечо Утешительницы, поднимающей чумазого мальчишку. – Она не виновата! Она не хотела, чтобы так произошло!

– А они хотели?

– Нет, – хриплю я. – Разве это честно?

– Понедельник и пятница – дни открытых дверей. Блок номер три, отделение невиновных.

– Так нельзя! Нельзя! Отпустите ее! – Я пытаюсь ее ударить, но она перехватывает мой кулак.

– Вы тоже поедете с нами. Мы доведем вас до первой безопасной остановки.

Лицо Эллы не выражает ни грусти, ни страха, ни сожаления. Неужели она сдалась? Неужели смирилась с тем, что ее заберут? Неужели не поняла, что это... навсегда? На всю жизнь.

Я задыхаюсь. В голове ни одного убедительного довода.

Я – марионетка. Снова.

Что я скажу родителям? Как буду оправдываться перед собой? Мою сестру лишили жизни, счастливой и здоровой, а я не нашла в себе сил победить сущностей.

Я ненавижу себя дважды. За Ника и за... Эллу.

Из раздумий меня вытягивает писк. Он разносится по венам, превращается в хор. Индикатор краснеет, моргает, плавится.

Стук-стук. Стук-стук.

А дальше – тишина. Я ослепла, оглохла, заблудилась во мраке. Но мне все равно. Я вдвойне заслуживаю кошмары. Заслуживаю обнуление. Заслуживаю.

Глава 4

Что-то мягкое и теплое обволакивает тело. Мне приятно слышать тихие разговоры и шаги. Но...

Почему так болит голова?

В нее будто налили кипящей воды и встряхнули.

Я распахиваю веки и вижу белый потолок. Ярко, до чего же ярко.

Кольшутся занавески, открыто окно, сквозняк хлещет меня по высунутой из-под одеяла лодыжке.

Что со мной случилось?

Силюсь вспомнить – не получается. Я в больнице. Почему? Как я здесь оказалась?

Я закатываю рукав кофты. На запястье зеленеет индикатор. Значит, дело не в нем.

Пытаюсь подняться – затылок тянет к подушке, невидимая сила вжимает меня в постель, и я не смею сопротивляться.

Набрать Кира? Или родителей? Но они в командировке, им лучше позвонить вечером...

Стоп.

Элла. Сестренка.

Словно внезапно налетевшая темная буря, в мой рай врываются воспоминания. Спокойствие гаснет, словно вывеска магазина с рассветом.

Десятки седых макушек. Десятки мутных пар глаз без жалости и сожаления.

Я не спасла Эллу. Я отдала ее не Утешительницам – двум роботам в человеческом облике. А ведь она не опасна.

Я встаю и понимаю, что кровать слишком высокая. Или мне чудится?

Соберись, Шейра.

И беги, беги, беги... Быстро. Чтобы забыть, чего заслуживаешь дважды.

Ноги совсем меня не держат, и я вынуждена опереться на кровать. Кипяток в голове превращается в раскаленный пар, я – в беззащитный комок слабости.

Громко выдыхаю и чертыхаюсь. Тело не слушается. Я падаю. Холодный пол пропитан запахом хлорки.

Я багровею от стыда: за мной наблюдает Утешитель – мужчина лет сорока с бородой, заплетенной в косичку.

– Куда вы собрались, Шейра? – Он поднимает меня и укладывает в кровать.

– Мне... пора.

Утешитель садится рядом.

– Пойдете. Когда подлечитесь.

– Что произошло?

– Вы почти обнулились.

– Как мне вас называть?

– Джон.

– Почему, Джон? Ведь я была в маске. – При упоминании

о недавних событиях болезненно сводит скулы.

Он задумчиво чешет бороду.

– У вас планемия. Понимаете меня?

В детстве я слышала от родителей нечто подобное. А сейчас сжимаю кулаки и стискиваю зубы так, что вот-вот их сломаю.

– Вам нужно успокоительное.

– Нет, пожалуйста! – прошу я странным высоким голосом.

Слова мне не принадлежат.

Не я контролирую тело – оно контролирует меня. Я ищу, за что бы ухватиться, и не нахожу. Руки и ноги танцуют в собственном ритме и тянут, тянут меня в пропасть.

Когда бешеная карусель разгоняется до отметки «потеря сознания», в вену вливается спасительная жидкость. Я расслабляюсь.

– Умница. – Утешитель выкидывает шприц в урну.

На тумбочке возле кровати загорается планшет. Джон читает.

– Не томите, – прошу я.

– Ваша карма не задерживается в организме. – Он смотрит на меня с сочувствием. – Сколько бы вы ни пополнялись, сколько бы благородных поступков ни совершали, она будет иссякать. Я подсоединился к вашему индикатору. – Утешитель показывает на планшет. – Вы больны с детства? Вас уже лечили?

– Да, – выдавливаю я. – В девять.

Но я ничего не знаю о том, что это за болезнь. Родители решили не предупреждать, что изо дня в день я балансирую на острие ножа. Наверное, именно об этом «рецидиве» шла речь в последнюю нашу встречу.

– И пятнадцать лет все было нормально? – удивляется Джон. – Такое случается из-за стрессов. А вы как раз пережили... – Он замолкает, видя, как я тереблю простыню. – Извините.

– Нет, продолжайте. Что с моей сестрой?

– Она в третьем блоке. Не волнуйтесь, там о ней позаботятся.

Я горько фыркаю.

– Вы в своем уме? Она будет жить среди убийц, а вы меня успокаиваете?

– У невиновных свое отделение. Там порядки помягче. Звоните ей.

– Отлично! – Я хлопаю в ладоши. – О другой судьбе для Эллы и мечтать нельзя!

– Уймись! – рявкает Джон. – Вашей сестре я не помогу. Зато вам – попытаюсь. Не мешайте мне работать.

Он прав. Я ощущаю это каждой клеточкой тела, но бесильная ярость отравляет сердце. Сестра в беде, а я слушаю бредни Утешителя, который не пережил и сотой доли того, что пережила я.

Щеки наливаются предательской теплотой.

– Что мне делать? – по-детски наивно спрашиваю я.

– Мы понаблюдаем за вами дня три. Проследим, с какой скоростью будет иссякать карма. Есть вероятность, что проблема уйдет. Но...

– ...Я могу обнулиться? – Мне не страшно. Я даже получаю удовольствие от таких мыслей.

– Именно. Убедимся, что этого не произойдет, и выпишем. – Джон поднимается. – Скоро завтрак. Вы проспали целую ночь. Индикаторная батарея на нуле. Поверните запястье к солнцу, зарядитесь. Или вам понравилось терять сознание?

– Не смешно, – бросаю я, но послушно закатываю рукав и тянусь к ярким утренним лучам. Сегодня на удивление тепло. Даже сквозняк не сеет по коже ледяные мурашки.

– Я во втором блоке?

– Да. Реабилитация для людей.

...а не сущностей.

Как жаль.

– Можно воспользоваться планшетом? – Я уточняю скорее из вежливости. «Техника во всех блоках – бесплатная», – вещает Семерка с экранов Сети.

– Конечно, – говорит Джон и скрывается в коридоре.

Я тянусь к планшету. Пальцы не трясутся, и, кажется, у меня получилось бы встать, но эксперименты – потом.

Я захожу в Сеть. Ищу информацию о третьем блоке. Копирую контакты и набираю номер.

– Отделение невиновных. Чем могу помочь? – раздается

высокий женский голос.

Я тереблю волосы.

– Мне нужна Элла Бейкер.

Молчание.

– Вы меня слышите? – шепчу я.

– Хм... Пациентка не хочет ни с кем разговаривать. Прошу прощения.

– Почему?

– Такое бывает с молодыми сущностями. Дайте ей время прийти в себя.

Прийти в себя.

Эта женщина не понимает, о чем просит.

Я отключаюсь. Ввожу номер, выученный еще в первом классе. Ответь, Кир. Преврати все в шутку...

Хоть это и невозможно.

Спустя сотни ударов сердца на экране появляется друг.

– Сова, ты где пропадаешь? – ворчит он вместо приветствия. – Я вообще-то жду.

– Странно. Я думала, с новой подружкой тебе некогда скучать.

– А чего это ты в больничной одежде? – С подозрением щурится он. – Случилось что?

Я до боли закусываю губу.

Просто успокойся. Просто объясни.

Просто уничтожь себя.

Из горьких мыслей меня вытягивает недовольный голос

Кира:

– Сова? Ты там жива?

Нет. Я умерла еще вчера.

– Все хорошо, – глупо улыбаюсь я. – Тут такое случилось...

– Не пугай меня.

– Элла сбежала на стройку, – начинаю я.

С каждым словом Кир мрачнеет, а я исчезаю, разбираю себя по косточкам и все отчаяннее борюсь с желанием разрыдаться.

– Ты это. Держись там. Я приеду. Лады?

Мы прощаемся. Я вздыхаю и опускаю ступни на ледяной пол. Рядом валяются тапочки, но мне нужен холод. Чтобы очнуться. Чтобы вернуться в реальность.

Я поднимаюсь.

Мышцы бетонной тяжестью тянут меня ко дну. Я хватаюсь за тумбочку, а голова продолжает кипеть. Мне бы нырнуть в жидкий азот и не всплывать.

В коридоре много людей: Утешителей и таких, как я. Потерянных, слабых до тошноты.

Через пять дверей ядовито-белым светится вывеска столовой. Я не голодна, но сидеть в одиночестве не могу. Громкие голоса мешают думать. И пусть.

Здесь люди живее, чем на улицах. Они не в масках. Они – не картонки.

Все кружится. Я замираю у входа. Боюсь смотреть на ин-

дикатор. Какой он? Красный? Оранжевый? Зеленый?

Делаю шаг. Очередь к драгоценным пакетам с белой кашей тянется от самых дверей. Я становлюсь в конец и едва сдерживаю вскрик – там та, чьи глаза до боли похожи на глаза Ника. Только эти – в сто раз холоднее и жестче. В них нет ни капли наивности. Она, как и раньше, носит каре и красит волосы в русый цвет. Как и раньше, ненавидит меня. Ничего не меняется.

И не поменяется. Никогда.

Альба.

Она тоже в белой пижаме. Опирается на стену и дрожит. Бежать поздно: мы слишком близко.

– З... Здравствуй, – заикаюсь я.

– И ты здесь, – горько фыркает она. – Почему-то я не удивлена.

– Карма?

– Да.

Мы разговариваем как подруги. Для остальных наши фразы – вежливость, для меня – напоминание о том дне. Во всем: в движениях, во взгляде, в интонации – обвинение. Это забавляет Альбу. Ей нравится играть с моей слабостью.

– Сколько лет, – натянуто улыбается она. – Как жизнь, Шейра?

– Обычно.

Проклинай меня. Мечтай о моей смерти. Тогда я не буду чувствовать себя так паршиво.

Пакеты раздают быстро. За минуту очередь доходит до нас. Мы подносим индикаторы к считывающему экрану. Вспыхивают наши имена. Пышная женщина в фартуке протягивает еду и желает приятного аппетита. Мы берем посуду.

– Я завтракаю в том углу. – Альба кивает на столик у окна. – Составишь мне компанию?

Эта девчонка, с которой мы столько лет избегали встреч, хочет пообщаться. Хочет посмотреть, как я буду ковырять кашу, не в силах съесть ни грамма. Хочет насладиться моей недосмертью.

– Ладно, – вздыхаю я.

Мы усаживаемся друг напротив друга. Альба бодро разрывает пакет. Ее тарелка пустеет с невероятной скоростью.

А я видеть не могу еду.

– Что, плохо? – Она наклоняется ко мне. – Три дня назад я была хуже, чем ты сейчас.

– У тебя тоже рецидив?

– Да.

Я пытаюсь понять, что прячется за доброжелательностью, – безрезультатно.

– Сейчас лучше. Надеюсь, пройдет. Хотя... Вдруг это только начало? – В ее голосе дребезжит паника.

Она напугана и жалуется той, кого ненавидит больше всех на свете.

– Почему? – щурюсь я.

– О чем ты?

– Почему мы за одним столиком? Зачем я тебе?

Она смеется. Ей тяжело говорить об этом. Так же, как и мне.

– Меня до сих пор бесит твоя прямолинейность, Шейра.

– И все же.

Прости, Альба, но ты не уйдешь от ответа.

Она стареет лет на двадцать. Улыбка меркнет.

– Мне кажется... Шейра, нам пора заканчивать молчаливую войну. Произошел несчастный случай.

– Как будто твои слова что-то изменят, – бросаю я холодно.

– Но ведь ты веришь, что он жив. Веришь же?

Да, да, он жив. Конечно, жив.

– Он бы дал о себе знать.

Я больше не притворяюсь, что ем. Вилка выскальзывает из пальцев.

– Зачем ты так, Шейра?..

Почему она общается со мной как с другом? Она не имеет права рыться в прошлом, ни на секунду не покидающем меня.

Не имеет права подбираться к запретной двери.

– Ты сошла с ума, Альба.

– Послушай. – Она поднимает руки. – Я вела себя глупо. Тела Ника нет. Утешители сказали, что травма вызвала необратимые процессы в организме. Его изолировали, потому что он стал опасен. Потому что стал... сущностью. Я не

верила. Мы ведь даже не знали, где он. Но вдруг это правда?

Еще десять лет назад здоровым людям не разрешалось общаться с сущностями. Ради их же безопасности. Но потом закон отменили – слишком много невиновных начало сидеть, и у этих невиновных были близкие и родные.

– Тогда почему Ник не позвонит? Почему? – назираю я. Откуда во мне столько жестокости?..

– Он думает, что я не верю.

Я впервые вижу ее такой старой. Бледная кожа, тысячи морщин и пустые глаза. От девятилетней девочки, с которой я играла днями напролет, не осталось и следа.

– Наивность убьет тебя, – шиплю я, вскакивая.

Сидеть рядом с Альбой невыносимо. Особенно сейчас, когда она простила меня.

Когда я ненавижу себя дважды.

Я, не оглядываясь, мчусь в уборную. Ряды душевых кабинок, точно зубы, выстроились вдоль стен. Я встаю под душ и поворачиваю кран. Ледяная вода впивается в кожу. Брызги мочат пижаму, висящую на двери, но я не уменьшаю напор в надежде смыть наш с Альбой разговор. Рьяно тру плечи, ноги, живот. Захлебываюсь. Кашляю. Слепну от слез.

На обратном пути проверяю индикатор – тускло-зеленый. Может, все налаживается?

В палате меня ждет Кир. Он развалился на кровати в обнимку с большой походной сумкой.

– Принес вещи. Зубную щетку, расческу...

– Спасибо, – выдыхаю я.

Мы молчим. Долго-долго. Кир не достает меня вопроса-ми – лишь сочувствует опущенными глазами и слабыми кивками.

– Мы навестим Эллу. Обязательно, – произносит он, понимая, что я уже не разрыдаюсь от одного его слова. – Когда тебя выписывают?

– Я здесь не задержусь.

– Завтра квест, не забыла?

Квест?

Кир будто отдал мне ключ от комнаты с воспоминаниями. Как же давно я не думала о господине с черным пальцем!

– Вдруг он поможет Элле? Все-таки в письме шла речь о третьем блоке.

И о том, что мне это выгодно. Оскар намекал на мою болезнь. На мое стремительное обнуление.

– Я пойду на квест.

– Вряд ли тебя выпишут так быстро.

– И что?

– Сова, ты... Короче, можешь на меня положиться.

– Мы вроде не снимаем мыльную оперу, – усмехаюсь я.

Спустя час Кир уходит, а я отправляюсь на процедуры. Измерение кармы, обследование организма, лекарства... я выдерживаю с трудом, а когда возвращаюсь в палату, сразу засыпаю. Все равно, что уже обед. Мне по-прежнему противна белая каша. По-прежнему противна мысль встретить

Альбу.

* * *

Сегодня мне впервые за долгое время не снились кошмары.

Я чувствую на себе пристальный взгляд. На кровати сидит Джон.

– Поешьте, – командует он и вертит в руках планшет. – Или вы хотите, чтобы мы вас лечили и от анорексии?

В столовой я делаю вид, что не замечаю Альбу. Во мне вновь просыпается злость.

Не прощай меня. Иначе я умру.

Сдерживая рвотные позывы, я запикиваю в себя кашу.

Но что, если Ник жив? Что, если я гнию... напрасно?

Я отодвигаю тарелку и выбегаю из столовой. Утешители не обращают внимания на нас, бледных и дрожащих. Я теряюсь в потоке больных и ищу то, что поможет мне убить надежду.

Моя палата, бесконечные лабиринты, вывески, планы здания – все искажается и искажает *гостей*. Мы в кривом зеркале. Нам не выбраться. Мы в параллельном мире с идеальными лампами, просвечивающими людей насквозь.

Надпись «Архив» я замечаю издали. Сердце пропускает удар, будто собираясь сломать пару ребер.

Вот где хранятся истории болезней.

Толпа вдавливают меня туда, где убивают надежду. За столом работает незнакомый Утешитель, вдоль стен тянутся серверы и планшеты.

– Здравствуйте.

– Чего тебе? – Он осматривает меня с головы до ног.

– Вас Джон зовет.

– На кой черт? – недовольно бухтит мужчина. – Что за напасть! Золотце, ты это... Побудь здесь, лады? Замок барахлит... Если не откроется, Джон с меня семь шкур снимет. А технари как назло только завтра притащатся.

– Без проблем.

Утешитель уходит, а я бросаюсь к планшету. Ввожу в поисковик запрос на Ника Реймана. На экране появляются песочные часы. Я жду. Задыхаюсь, умираю от страха, но жду. Бойкие удары сердца отдаются в ушах.

Скоро я узнаю, что действительно совершила пятнадцать лет назад. И заслуживаю ли прощения.

На экране появляются строчки. Быстро, резко, безжалостно. Словно шприцы, они выкачивают из меня остатки жизни. Я читаю вслух: «Ник Рейман. Большой номер тысяча восемьдесят один. Планемия. В пять лет в результате травмы шейных позвонков переступил черный порог. Документы переведены в отдел сущностей. Запросить данные из третьего блока?»

Я нажимаю «Да».

Новая информация. На этот раз я не читаю все: взгляд

впивается в последнее предложение – короткое, сухое, жестокое.

Произнеси его вслух, Шейра Бейкер, чтобы наивная девочка в тебе наконец сдохла.

– Умер в четырнадцать лет, – говорю я.

– Умер в четырнадцать лет, – говорит Альба за моей спиной.

Глава 5

Я сворачиваюсь клубочком и зажимаюсь. Перед глазами – лицо Альбы.

Лучше бы я ослепла, увидев ее. Лучше бы оглохла, услышав ее крик. Лучше бы обнулилась и не узнала бы правду.

Эта дурочка проследила за мной. Как же бесшумно она подошла!

Ее новая маска сочувствия сменилась отвращением, ставшим за пятнадцать лет привычкой.

Вернулся Утешитель.

Мы разошлись по палатам молча, будто чужие. Будто. Я бы с радостью забыла о ней, но мы привязаны к концам одной нити. Ник – вот кто не позволит нам существовать раздельно.

На тумбочке пищит планшет. Не вышла из своей учетной записи, растяпа...

Я нехотя тянусь к мигающему экрану. Звонят родители. Лицо Альбы заслоняют липкие ладони ужаса. Что я скажу им? Как объясню случившееся?

Они не обрадуются, поняв, что я во втором блоке, и все же я принимаю вызов.

– Простите, Сеть плохая, не поговорим с камерой.

– Ничего, доченька, – весело отвечает мама. – Как вы там?

Я впиваюсь ногтями в голени.

– Нормально...

Не верь мне. Ты не представляешь, насколько все изменилось.

– А Эллочка? Слушается тебя?

Если бы она меня слушалась.

– Да, да, мам.

– Позовешь ее? Мы соскучились.

– Нет! – восклицаю я слишком громко для банального «все хорошо». – Она в ванной. И... Мне тоже пора. Кир пришел в гости!

Я отключаюсь.

Радуйся, Элла. Твоя просьба выполнена. Родители живут в счастливом мире и не замечают, что меня в нем уже нет.

Я бы вернулась. Окунулась бы в серость, забыла бы белые зрачки. Если б не умерла вчера.

Мне не спится. Но теперь я мечтаю провалиться в кошмар.

* * *

Барабанит дождь. Я радуюсь, что вечером закрыла окно. Сверкают молнии, испытывая мое зрение, грохочет гром, проверяя мой слух.

Да, я по-прежнему вижу и слышу. По-прежнему жива.

Я потягиваюсь и встаю.

Душ, завтрак, процедуры – от монотонности кружится го-

лова. Со вчерашнего дня цвет индикатора не изменился. Это хорошо: значит, во время квеста мне не придется экономить каждый метр.

Игра начнется в двенадцать. Меньше чем через час.

Я переодеваюсь в кофту и бриджи, принесенные Киром, подхватываю сумку с вещами и иду к Джону.

– Выпишите меня.

Утешитель откидывается на спинку стула.

– Ваша карма не восстановилась. Да, ночь прошла спокойно, но это не значит...

– Выпишите меня, – повторяю я холодно.

Он не поймет, что мне некогда болеть. Не поймет, что я обязана попытаться помочь Элле.

– Уверены?

Я киваю. Утешитель протягивает мне документы, и я расписываюсь в том, что несу полную ответственность за свое здоровье.

Свободная и вновь безлика, я выхожу под дождь.

Серые стены двадцатиэтажной коробки потемнели от влаги и давят, давят мрачными тенями, словно хотят опустить меня на колени. Я ежусь, но через секунду выпрямляю спину. До боли.

Больничный блок примыкает к металлической ограде. За ней – другие мегаполисы, другие люди. А еще – реабилитация для сущностей и Эллы.

Одинокая дорога разделяет небо на две части и ведет за

пределы города, навстречу северу и холодам. Ради тех, кто не боится *иной* жизни.

Природа в ярости, а у меня нет зонтика.

Еду поездом. В висках до сих пор пульсирует страх не успеть. На минуту забегаю в штаб и оставляю вещи.

– Удачи, Сова! – кричит Кир, дожевывая сухари.

– Ох, она мне сегодня пригодится. Спасибо! – отвечаю я уже с улицы.

Дождь заканчивается, но ледяной ветер все еще проверяет деревья на прочность. Расчесывает их, заплетает ветви в косички.

Я вновь слушаю мерное пыхтение поезда.

В южной части города, вдали от небоскребов и вычищенных до блеска заводов, темнеет четырехэтажное здание, которое не подходит нашему городу. Серое, низкое, ободранное, оно напоминает о жизни до. Будто через тот глючный портал выкинуло и его.

Заглянуть бы за ширму тридцати пяти лет. Что было там, в две тысячи сотом году?

Рядом с домом Оскара – амбар, по размерам не уступающий моей квартире. Чуть южнее – трасса и поля. Интересно, кроме гостя из прошлого здесь кто-нибудь гоняет?

На крыльце топчется парень в черной рубашке и джинсах.

– Что, красотка, и ты сюда?

Держу пари: за биомаской скрывается смазливая улыбка.

– Сомневаюсь, что мы по одному и тому же делу, – хмы-

каю я.

Незнакомец трясет головой, избавляясь от кудрявой мокрой челки. Он тоже без зонтика.

– Можешь не смотреть на дверь. Я звонил – никого. Закрыто.

– Уже догадалась, – фыркаю я, облакачиваясь на перила.

– Ты рано. – Он наклоняется ко мне. – Десять минут до начала.

– До начала чего?

– Ты знаешь, о чем я. – Видя, что я не настроена шутить, парень щелкает пальцами: – Хорошо. Я попробую рассказать о тебе.

– Иди ты...

– Тебя зовут Лора. Ты пришла, чтобы убить время и повеселиться. Работаешь продавщицей пирожных, но сидишь на диете. Вечерами играешь со своей кошкой Алисой и засыпаешь под боевики. Так-так-так... Ага. – Он воодушевленно чешет затылок. – Еще занимаешься йогой. С парнями вроде меня ты не общаешься, потому что мы, болваны, тебя не достойны.

– Поздравляю, ты кое-что угадал.

– Что же?

– Ты – болван.

Выскачка поднимает руки.

– Понял. Красотка не в настроении.

– Это мое лучшее из настроений, – огрызаюсь я.

Он не успевает ответить: приоткрывается дверь. Из темноты выглядывает безликий лысый парень.

– Приветствую.

Мы входим в огромный зал. Свет просачивается через щели и окна, касается кирпичей, столов, неработающих серверов и стопок бумаг. Пыль, словно мука, давит на шкафы и диваны. Впору замешивать тесто.

Скорее всего, когда-то здесь был офис.

Мы снимаем маски.

В дальнем углу мерцает экран планшета: Оскар с кем-то разговаривает.

– Да, у нас нет электричества!

– Причина? – гремит из динамиков равнодушный голос.

– Причина, причина... – Гость из прошлого косится на лысого парнишку, плюхнувшегося в офисное кресло. – Матвей, общайся с ними сам!

Бедняга едва успевает словить планшет.

– Балбес, – ворчит Оскар. Даже в доме он носит плащ. Неудивительно: здесь промозгло и грязно. – Добрый день. Вы, наверное, звонили? Простите, у нас проблемы со светом. Ну, сами видите. Еще три человека – и начина...

– ...Поставил на зарядку! Он не должен был столько «съесть»! – тараторит Матвей, но, почувствовав наши взгляды, затихает. – Приезжайте быстрее.

Голубоватый свет экрана меркнет.

– Может, вы объясните, почему мы здесь? – не выдерживает

ваю я.

– Да-да, было бы неплохо, – соглашается выскочка.

Комок тревоги бьется о ребра.

Успокойся, Шейра. Не понравится – уйдешь. Если отпустят...

– После квеста. Необходимую информацию я прислал письмом. Вас это заинтересовало, поэтому вы пришли. Я прав? – Оскар садится на диван и закидывает ногу на ногу.

– Я бы отказалась, но...

– Обстоятельства изменились?

Шею сжимают тиски горечи.

– Да. Вам что-то известно?

– Он у нас за пророка работает, – хохочет Матвей.

– А ты за кого?

– За местного экспериментатора.

– Местного разрушителя, – качает головой гость из прошлого.

– Почему вы напали? Вы считаете, что после такого я вам поверю?

– Во-первых... – Он пристально смотрит на меня. – Я не нападаю. Ты замахнулась, и я был вынужден защищаться. Во-вторых, я не тянул тебя сюда насильно. Если бы ты дала мне нормально объяснить, не было бы этого. – Оскар показывает синие пальцы.

– Зачем пугали? – Я пристыженно закусываю губу.

– Тебя никто не пугал, солнышко. Я пытался поговорить.

Все-таки паранойя. Поздравляю, Шейра.

– Большой у вас домик, – замечает выскочка, расхаживая по залу.

– Здесь не мешало бы прибраться, но Оскару чихать на все, кроме своей идеи. А мне – на все, кроме этого. – Матвей берет со стола нечто вроде листа бумаги. Странное приспособление вспыхивает. – Сам собирал. Но пока что дела плохи. Смотрите!

Я провожу ладонью по экрану – работает как настоящий планшет, только гнущийся.

Раздаются шаги. К нам присоединяются еще два человека. У меня перехватывает дыхание: того, что справа, я знаю. Эту бородку с косичкой невозможно забыть. Джон снимает маску, и мы приветствуем друг друга удивленными взглядами.

Не успевает закрыться дверь, как появляется последний игрок. Я закрываю глаза в надежде, что, когда их открою, все изменится. В горле трепыхается мотылек. Бьется, рыдает и мечтает о побеге.

Потому что завершает список приглашенных Альба.

Наша ниточка не исчезнет. Проще исчезнуть мне.

Завесить бы окна черными тряпками, забиться в угол и забыть о той, что стоит на пороге.

– Наконец-то! – Матвей хлопает в ладоши, и напряжение исчезает. Спасибо тебе за это, парень в маске.

Мы садимся в офисные кресла.

– Приветствую, Альба. Все вопросы – после. – Оскар про-

тягивает нам сетевые линзы. – Не забывайте: это игра.

Мы погружаемся в виртуальный коридор.

Вдали мерцает лампа. Стены покрыты кафелем. Пляшут тени. Мы двигаемся в такт пульсации лучей.

Три вспышки.

Три шага.

Одна секунда.

Мы ныряем в маленькую комнатку. В нос бьет запах сырости. Впереди – пять дверей. Свет моргает над нашими головами.

Я готова вернуться в реальность и с позором сдать, но лампа, потрескивая, загорается ярче и через миг гаснет.

Мы тонем во тьме.

– И что дальше? – интересуется выскочка.

– А у нас много вариантов? – вздыхаю я.

Мне не отвечают, потому что я права. Но и не шевелятся, потому что... Жутко.

Не глупи, Шейра. Это всего лишь Сеть. Ничего не случится. Сделай шаг.

И умри.

На ощупь я дохожу до одной из комнат и переступаю порог. Щелкает замок.

Сквозь щели в стенах сочится голос Оскара:

– Без паники. В помещениях спрятаны лампы или фонари. Но помните: включив свет, вы увидите зеркала. Это кармопотребители. Я добавил их для правдоподобности. Будьте

осторожны. – Он на пару мгновений замолкает. – А теперь – сюжет. Вы – Утешители. Осматриваете сущность. Отвлекаетесь, допустим, на планшет, а она вас запирает. Нужно выбраться за полчаса, иначе не избежать седых волос. Приятной игры.

– Мы в ловушке? – хриплю я.

– Для кого как. Время пошло.

Я слышу тиканье часов – громкое, оглушительное – и зажимаю уши. Меня кинули в океан ужаса и заставили барахтаться. А я не умею плавать.

Прости, сестренка, я трусиха.

Я касаюсь пальцами стены: холодная, гладкая. Ни намека на выключатель. Комната пуста.

Тогда я опускаюсь на четвереньки.

Ковер. Я отбрасываю его и задеваю что-то шершавое и мягкое. Волосы. Следую рукой выше. Человеческий силуэт. Кукла.

С ней разберусь позже.

Чувствую себя жертвой пранка. Ощущение не из приятных.

Обследую пол. Кожу обжигает холод кафеля. Ощупываю каждую плиточку – возможно, здесь тайник? – но все они приклеены намертво.

Думай, Шейра...

Тик-так. Тик-так.

Горло раздирает тошнотворный ком, точно я наелась галь-

ки. Под ребрами теплеет вата. Снова.

Что, если я обнулюсь раньше чем через полчаса?

Или...

Я закатываю рукав. Комната наполняется оранжевым светом.

Мысленно боготворю индикатор: света маленького экранчика хватает на четверть помещения.

Меня окружают зеркала – высокие, от потолка до пола. Я всматриваюсь в мутное отражение. Откуда в нем столько сил поглощать метры?

Я отскакиваю. Связь между мной и кармопотребителем лопается.

В углу лежит манекен. Девушка с седыми волосами и белыми глазами. Я ощупываю ее платье, обыскиваю карманы – ничего – и поворачиваюсь к двери. Слева моргает алая кнопка – на случай, если сдамся. Рядом виднеются синий датчик-замок и надпись: «Хлопни три раза».

Ну конечно! Ха!

Выполняю указания. Загорается свет.

Как жаль, что нельзя регулировать яркость. Перед глазами расплываются красные пятна.

Скоро индикатор запищит. Скоро я отключусь.

Тик-так.

Я опираюсь на стену.

Зеркало шелкает и отталкивает меня. Распахиваются дверцы шкафа. На полке стоит телефон. Ему, должно быть,

не меньше двухсот лет – еще ребенком я глазела на такие в музее. С «кучерявым» проводом и трубкой. Я никогда не пользовалась подобными устройствами, но, к счастью, смотрела старые фильмы.

Куда же позвонить?

– Как ты думаешь? – обращаюсь я к седой напарнице и дотрагиваюсь ладонью до трубки. Возле циферблата блестит надпись: «Игра».

Я знаю, что делать дальше. Знаю! Впервые за долгое время мной управляет уверенность, а не страх.

В детстве мы с Эллой шифровали друг для друга послания: искали нужную по счету букву в алфавите и записывали ее цифрами.

Я загибаю пальцы, словно маленькая девочка, которая скучает по родителям, дружит с Альбой и Ником и даже не догадывается, как легко ножницы впиваются в шею.

Индикатор пищит, но я не отвлекаюсь.

«И» – десять.

«Г» – четыре.

Тик-так, тик-так...

«Р» – восемнадцать.

«А» – единица.

Готово.

Набираю цифры. Радоваться нет сил – я все больше напоминаю куклу, а отражение все быстрее оживает.

– Алло! Кто это?

Мне хочется положить трубку, но я сдерживаюсь. На другом конце провода – выскочка.

– Какого черта? – выдыхаю я.

– Теперь я узнаю тебя, красотка.

– Заткнись и подумай, для чего мне дали твой номер.

– Может, судьба?

Я бью кулаком в стену. Этот придурок не поймет, насколько мне важно выбраться. Он пришел развлечься и тащит меня на дно.

– Послушай, Дон Жуан, – рывкаю я, – или ты шевелишь остатками мозгов и помогаешь мне, или...

– Или что? Красотка, ты заперта в другой комнате.

– Не называй меня так! – взвизгиваю я, и розовеющий индикатор визжит вместе со мной.

Линии на ладонях медленно стираются.

– Ясно. Юмор – не твой конек, – ворчит он. – Присмотрись к отражению. В нем есть что-то важное? Что-то, чего нет в комнате?

– С-сейчас.

Лопатки прижимаются к стене. Я иссякаю.

– Красотка?

– Меня зовут Шейра.

– А меня – Гений. Или просто крутой парнишка.

Я содрогаюсь в нервном хохоте.

– Ты плохой шутник.

– Никто не шутил.

– Уж лучше я буду называть тебя болваном.

– Тогда я тебя – красоткой.

– Умеешь уговаривать, – фыркаю я. – Сейчас вернусь, не бросай трубку.

– Если что, мое второе имя Ольви!

Я поворачиваюсь к зеркалу. Нос упирается в стекло. Отражение в сто раз живее меня. В тысячу раз сильнее. И, наверное, в миллион раз счастливее.

За гранью зеркал комната бесконечна. Стены смотрят друг на друга и будто соревнуются в количестве одинаковых картинок. Две плиты на полу выделяются цветом. Они не бежевые, как все, а ярко-зеленые. Такого оттенка лишь предельные пятнадцать гигов кармы.

Я хватаю трубку и рассказываю о странном кафеле Ольви.

– Благодарю, – бормочет он. – Переведу в метры, и код от сейфа готов.

– А что делать мне?

– Сейчас, введу пароль... – Шуршание. – Ага, здесь послание! Написано, что Анна хочет побеседовать. Ты понимаешь, о ком речь?

От тиканья часов и мерного писка индикатора я схожу с ума. Меня бросает то в жар, то в холод. Струйки пота щекачут скулы. Я не различаю, что реально, а что только мерещится.

– Шейра?

Я брежу или он волнуется?

– Алло!

– Алло. – Я жадно прислоняюсь к ледяному зеркалу и сползаю на пол.

– У тебя все в порядке?

– Частично.

– Я вызываю Оскара.

– Нет! Я пройду этот чертов квест! Не смей!

Тяжелый вздох.

– Ладно. Но на всякий случай не отключайся.

Я молчу. Как бы он ни раздражал, мне лучше, когда на другом конце провода кто-то есть. Пусть даже этот кто-то – наглец Ольви.

Индикатор наливается красным. У меня в запасе пятьсот метров. Триста до черного порога. Переступив его, я навсегда потеряю каштановый цвет волос.

Включаю громкую связь. Хм, телефон не такой уж и старый!

– Не сиди, – подгоняю я себя. – Время идет.

Будто в подтверждение раздается голос Матвея:

– Осталось десять минут.

Я подползаю к манекену. Если б Анна не была сущностью, она ничем бы не отличалась от кукол из магазинов.

– Давай поговорим.

Никакой реакции. Я глубоко дышу, но легкие, словно лопнувшие шарики, отказываются принимать кислород. Комната расплывается. Я вижу лишь белые пятна и серый силуэт

куклы. Прижимаюсь губами к ее уху.

– Анна, пожалуйста, поговори со мной. – В рот набиваются пыльные волосы. – Я Утешитель.

– Привет, Утешитель.

Есть!

Тик-так.

– Мне нужно выбраться. Отпустишь?

– Хочу стих! – требует она.

– Какой?

– Хочу стих!

– Шейра, ты представляешь, я нашел ключ! – вопит Ольви. – Могу выйти хоть сейчас! А как там красотка?

– Не так хорошо, как болван.

– Хочу стих!

Буквы-звенья разбирают меня на бусины и нанизывают на нить.

– Тебе нужен стих? – удивляется выскочка.

– Как ты догадался?

– На стенах нет?

– Искала. Нет.

– А на потолке? На полу? Там, где телефон?

– Ты меня за дурочку держишь? – положив голову на плечо Анны, выдыхаю я. Теперь мы с ней не разлей вода. В прямом смысле, если я пересеку черный порог.

– А неиспользованные предметы?

– Я все использовала. – Взгляд упирается во что-то тем-

ное... Ковер. – Ладно, сейчас проверю.

Я собираю последние силы и фокусирую зрение. Глаза работают на пределе, но мне все равно. Сейчас не существует ничего, кроме меня, игры и времени.

Тик-так.

– Хочу стих!

Спокойно, Шейра. Твоя жизнь – квест. Твоя цель – выбраться. Твой мир – эта комната. За ней – бездна. Ты мечтаешь увидеть ее. И будешь стучаться, пока не проломишь стену. Пока у тебя не отнимут последний метр кармы.

Рассматриваю ковер. Ромбы, круги, линии... Ни намек на букву. Какой там стих.

«Хочу, хочу, хочу», – стучит в висках голос Анны.

Тик-так.

Индикатор визжит все громче. Три раза хлопаю в ладоши – свет выключается. Сейчас, когда я дышу разгадке в затылок, у меня остается два метра до черного порога.

Неужели я не справилась?

После дождя одежда не просохла, но мне жарко.

– Хочу стих!

– Заткнись, – хриплю я.

– Шейра! – зовет Ольви.

Индикатор бордовый. Удивительно, что я в сознании.

Из темноты вырисовывается что-то яркое. Я шурю: на изнанке ковра, по центру, виднеется надпись.

Стих.

Наверное, буквы «зарядились» лучами и засветились.

*«Я жива, я здесь, за маской
Белых глаз и серых снов.
Я согрею тебя лаской.
Ты готов?»*

*Пусть ты обратишься прахом.
Я пойму тебя без слов,
Прочитаю твои страхи.
Ты готов?»*

– Хочу! – бьется в истерике Анна.

Я хватаю куклу за ногу.

– Успокойся. Замолчи!

Тик-так.

– Ладно, сейчас.

Я читаю, давясь волосами Анны.

Строчки натянуты, вместе с ними натягиваюсь и разрываюсь я. Захлебываюсь в море слов и иду ко дну. Потому что вместо легких у меня два огромных камня.

– Ты готов? – хриплю я.

Зрачки Анны зажигаются синим.

– Ну что? – кричит выскочка.

– Не поверишь, но я рада, что ты здесь.

Взгляд останавливается на датчике у двери. Таким же си-

нем.

Нет, это безумие. Но кто я, если не сумасшедшая?

Я тащу Анну к выходу.

У нее в глазах – ключ. Он поможет мне сбежать.

С каждым движением я умираю и вновь возрождаюсь.

Сделаю шаг – подруга-манекен пощадит меня. Всего шаг и тысячи микросмертей.

Я не успеваю возродиться в последний раз, потому что голос из динамиков говорит:

– Время вышло.

Глава 6

Пожалуйста, оставьте подушку, не пропускающую кислород. Дайте индикатору закончить свое дело. Разрешите мне иссякнуть.

– Она в порядке.

Меня душит карма. Я бы спалила ее, если бы во мне теплилась хоть крошечная искра. Только вот тело покрыто льдом.

Внутренности сжимаются в болезненный сгусток. Кожу обжигают взгляды. Я бегу от внимания в объятия кошмаров, но даже они не принимают меня. Им тоже надоела карма.

– Почему вы не прервали игру, Оскар?! – разоряется Матвей. Мы с безликим парнишкой знакомы всего ничего, но в память уже въелся его панический фальцет.

– Она не сдавалась!

– А если бы из-за ваших грандиозных идей девчонка обнулилась?

– Заткнись! Вопли ее не вылечат!

Гремят тяжелые шаги. Чье-то дыхание греет висок.

– Ты слышишь меня, Шейра? – шепчет гость из прошлого. Наверное, его тембр окрасит мои ночные кошмары в новые оттенки.

Я хмурюсь – кивать и тем более говорить нет сил.

– Мы влили в тебя карму до предела. Не переживай.

– Да, ты чуть не сдохла, зачем переживать? – огрызается Матвей.

– Она бы не умерла. А вот в сущность превратилась бы.

Я открываю глаза. На меня давит полумрак зала. Оскар ошупывает мою кисть. Я отдергиваю руку.

– Что-то не так, солнышко?

Да, кое-что не так. Кое-что, зеленеющее на запястье. Я родилась с браком. Город мне этого не простит.

Как же смешно.

Грудь содрогается. Я пытаюсь унять спазмы, но тщетно. Тело отвечает болью, однако ее не сравнить с той, какую я ощущала в квест-комнате.

– Истерика, – бормочет Ольви, наматывающий круги по залу. – Есть успокоительное?

– Не надо! – вскрикиваю я.

Нет ничего хуже, чем быть в неведении и не чувствовать мучений, сковывающих каждую мышцу.

Невырвавшийся смех стучит по ребрам. Мир обретает черты и острые грани.

Я оживила куклу, но хватило ли этого для победы?

Вдали мелькают русые волосы. Альба тоже здесь и пойдет на все, чтобы остаться. В память о Нике. А я пойду на все, чтобы спасти сестру. Даже на работу с девушкой, едва не простившей меня.

Джона и его приятеля нет.

– Где... Утешители?

– Не прошли квест, – признается Оскар и обращается уже к Матвею: – Погуляйте на улице. Мне нужно кое-что обсудить с Шейрой.

– Хотите извиниться за то, что чуть не обесцветили ее волосы? – скептически хмыкает тот.

Захлопывается дверь. Оскар берет со стола лист бумаги и объясняет таким тоном, словно говорит с маленькой наивной девочкой:

– Ты пролежала без сознания целый час. Вы играли в Сети, поэтому понижение кармы было виртуальным. Твой же запас понизился и в реальности. Разволновалась, да? Почему ты не нажала на красную кнопку, солнышко? Что вынудило тебя не нажать? – В увеличенных линзами глазах тлеет волнение.

– Не называйте меня так, – морщусь я.

– Хорошо, Шейра. У тебя, наверное, много вопросов. – Он складывает лист пополам.

– Да уж, многовато.

– Я слушаю.

– Откуда вы знаете моих родителей?

– Мы вместе работали. Только я был программистом. – Сквозь слова просачивается грусть.

– Тогда пришли бы как нормальный человек на чашку чая. К чему все это?

– Девочка, я ведь не в парк развлечений вас позвал. Я собираю команду. Ищу людей для задания в третьем блоке. Это

незаконно, – говорит он и загибает края листка.

– Хм, разносчик еды идеально подходит для передачи незаконной информации. Вы гений.

– Я стоял этажом ниже и ждал. Если бы что-то пошло не так, я бы стер ему память.

– Как милосердно! – горько усмехаюсь я.

– Это все, что тебя интересует?

– Вы написали, что я должна согласиться...

– Да, да, да. В общем... Шесть лет назад я был связан с базами данных. Когда увольнялся, скопировал истории болезней. Кстати, это твои документы. – Он продолжает изощряться над бумагой.

– Оригами?

– Кораблик.

– Значит, у выскоч... у Ольви тоже планемия?

– Дальше.

– Ответьте.

– Я не имею права отвечать. Захочет – сам расскажет, правда? – На его губах теплится улыбка, а в глазах леденеет серьезность.

– Вы искали тех, кто заинтересован в деле?

– Именно. – Кораблик готов.

Неужели и Джона болезнь не обошла стороной?

– Почему вы ушли с работы? – допытываюсь я. – В чем ваш резон? Где *ваше* слабое место?

Он замирает. Я попала в точку. Передо мной – уставший

человек, больше не прячущийся за ширмой самоуверенности.

Я жалею, что начала допрос.

– Извините.

– В шестьдесят два не время для новых экспериментов. Я уволился, но сущности до сих пор мне снятся. Знаешь, как страшно наблюдать за обнулением?

– Да.

Мое «да» убивает его. Готова поклясться: не в первый раз. Будто это он отвел Эллу на Игру. Будто он перекрасил ее волосы.

– Что вы задумали? – меняю я тему.

– Ты не открыла дверь. – Он мнет кораблик и отбрасывает его в дальний угол комнаты.

– Мне оставался всего шаг!

– И ты не шагнула. – С этими словами он вытаскивает из кармана флешку. – Давай индикатор.

– Чем вы хотите меня накачать?!

– Программа поможет тебе забыть о нас с Матвеем. Ту же процедуру я готовил для разносчика еды. Ту же процедуру прошли Джон и Алан. Правда, я солгал им, что эта штука обновляет запас кармы. С тобой я честен.

– Всего шаг!

– Солнышко...

– Я не солнышко, черт возьми! – Я силюсь подняться, но тело не подчиняется. – Моя сестра обнулилась! Я больна и

слаба! – Голос ломается, щеки обжигает отчаяние. – Мне... Мне больше не за что держаться, Оскар.

Он хочет что-то сказать, но слова тают, так и не выпорхнув. Каждая произнесенная буква разъедает меня.

Я слишком слаба, чтобы принять ответ. Я слишком мертва, чтобы уйти.

– Пожалуйста, дайте мне шанс.

Оскар не здесь, не со мной. Сейчас, сжимая до дрожи губы, он стареет. Наверное, он родился и умирал как минимум десять раз.

– Угадай, чего тебе может стоить этот шанс? – Он щурится. Пытается сфокусировать зрение, но воспоминания не отпускают его. – Сначала появится гематома. Ты заметишь ее вечером в ванной. Испугаешься, из-за чего тут же потеряешь гиг-два. Запаникуешь, разреवेशься. А когда успокоишься, рванешь в комнату за флешкой. Но не успеешь – обнулишься за шаг до спасения. Как тебе такая перспектива?

– Не выгоняйте меня, – молю я. – Если это поможет Элле, я согласна платить сединой.

– Я никому не делаю поблажек! – рявкает Оскар, вскакивая. – Думаешь, ты исключение?

– Она пойдет с нами.

Одна фраза – и я забываю обо всем.

Матвей стоит в дверях и, скрестив руки на груди, молчаливо спрашивает Оскара. Я чувствую тяжесть его взгляда даже через биомаску. Он добьется своего. Точно.

Но... зачем ему я?

– По-моему, я тебя не спрашивал, – шипит гость из прошлого.

– Я тоже могу вас не спрашивать, когда решу свалить из этой дыры, – парирует Матвей. – Придется вам искать нового прогера. Только сомневаюсь, что он будет хорошо ориентироваться в третьем блоке.

– Шантажируешь? Да как ты смеешь? – Оскар чуть сильнее сжимает флешку. – Я и так дал тебе свободу действий!

– Вот именно. Я гарантирую Шейре безопасность.

Молчат. Минуту. Две. Смотрят друг на друга. Думают каждый о своем. Ищут точки пересечения и, кажется, находят.

– Паршивец. – В тоне Оскара больше нет раздражения. Он что-то решил, и это не связано со словами Матвея.

Интересно, о чем они договорились... молча?

– Я знал, что у вас доброе сердце, – кланяется безликий парнишка.

– А то, что я отлично владею ножами, ты знал?

– Как и я. Особенно когда голоден.

– Ха-ха, шутник.

– Правда, Оскар, – примирительно улыбается Матвей. – Кому выполнять задание? Мне. Логично, что мне же выбирать коллег. Я чувствую в Шейре... потенциал.

– Теперь это так называется?

– Да послушайте, вы! – не выдерживаю я. – Мне не хва-

тило секунды, чтобы пройти квест. Всего секунды!

– Ладно, – обреченно вздыхает Оскар. – Зови остальных, Матвей.

Я приподнимаюсь на локтях и, поглядывая на зеленый индикатор, сажусь.

Ребята опускаются рядом. Я благодарна Матвею – его плечо закрывает меня от Альбы. Но та все же наклоняется ко мне и шепчет:

– Поздравляю. Мы в одной лодке.

– А значит, либо все, либо никто, – огрызаюсь я.

Расходимся. Резко. Как одинаково заряженные ионы.

– Итак... с чего бы начать? – Оскар поглядывает на скользящий кораблик, но не спешит портить новые документы.

– Например, с главного, – предлагает Альба. – Зачем мы вам понадобились?

– Я работал с кармой. Видел, какие страдания она причиняет невинным. Не ради этого мы носим индикаторы. Я проводил исследования. Сущности могут не зависеть от кармы, понимаете?

Квест только набирает обороты, Шейра. Выберешься – вернешь Элле светлые волосы. Но что будет, если проиграешь?

– А как же преступники? – шурится Ольви.

Я пристально слежу за реакцией Оскара, чтобы подловить его на фальши. Чтобы пробить маску доброты и убедиться, что он лжет.

– Я скажу вам, над каким сервером поработать. Базу данных убийц вы трогать не будете. – Он поднимает испорченный кораблик. Смотрит на него так, словно уничтожил настоящее судно. – Да, вот еще что. Пожалуйста, носите с собой сетевые линзы. И ни в коем случае не снимайте маски.

– Но вы этим правилом пренебрегаете, – замечаю я.

– Мне нечего терять, в отличие от вас. Давайте без самодеятельности.

– Будто у них есть выбор, – фыркает Матвей, откидываясь на спинку дивана.

– Согласен. – Оскар прячет бывший кораблик в карман и протягивает нам красную флешку. – Это программа слежения. Нет, я не стану вас шантажировать. Решите уйти – уйдете. Но в таком случае вы все забудете. И обо мне, и о моих планах.

– А если мы против? – уточняет Альба.

– Вас никто не держит, солнышко.

Ошибаетесь, Оскар.

Город держит каждого. В ежовых рукавицах. И наказывает тех, кто родился с браком.

Я подключаю к себе флешку. По венам распространяется чужой код. Попискивая, программа завершает установку.

Ты – марионетка, Шейра. Не забывай, что твои нити в руках Оскара.

– А дальше? – спрашиваю я, пока остальные разбираются с флешкой.

– Освобожденные вылечатся, когда получат новые индикаторы.

– Без них никак? – Я все же надеялась – не вернуться туда, откуда мы пришли, нет, но... хотя бы попытаться.

– Карма контролирует нас. Это закон города. Нарушим его – утонем в войнах.

– Но почему вы не показали исследования Утешителям? – Ольви передает программу Альбе. – Почему все... так?

– Меня не послушают. Я уволился. Я – никто. Да и за городом я вам не помощник.

– Вам нельзя за город? – вскидываю я брови, но он пропускает вопрос мимо ушей.

– Лучше поговорим о деле. Чтобы обезопасить себя, вам понадобится много кармы. Найдите коды от приграничных сейфов. Их хранят во втором блоке, но не в том крыле, где терапия...

...а в том, где пишут истории болезней.

Я гуляю там по ночам.

В кошмарах.

Чувствую кожей, как напрягается Альба. Как натягивается связывающая нас нить.

Плевать.

Пусть хоть задушит меня.

Главное – Элла вылечится. Люди будут относиться к обнулению, как к простуде. Мы с Киrom перестанем снимать пранки о седых монстрах.

Мы с Киrom.

Я хватаюсь за край мысли. Вот он, ответ, приближающий меня к сестре на крошечный шагок.

– Я знаю, кто поможет нам проникнуть во второй блок.

* * *

– Нет, это реально Dodge DC8 1930-го? Как вам удалось? Очуметь! Я хот-роды только в кино видел! Вы же меня прокатите? Крышу занизили, говорите? А где же швы? – не унижается Кир.

Разглядев, на чем мы подъехали к штабу, он потерял дар речи. Да я и сама потеряла, когда Оскар предложил свой транспорт. Оказывается, в ангаре у него стояла та самая машина с открытым двигателем. Угловатый монстр с удивленными добрыми глазами.

Я могла бы долго изучать инструменты, аккуратно разложенные по полочкам, колеса, детали для машины, но гость из прошлого быстро затолкал нас в хот-род, и мы выехали на трассу.

– Сейчас прокатимся вдоль полей, а дальше свернем во дворы. Днем нельзя гонять в центре, – пояснил за Оскара Матвей, заметив наше удивление. – Движение перекрыто, людей на дорогах – толпы. То ли дело ночью: никого нет, красота!

– И у вас не отнимают карму? – изумился Ольви.

– Разве что самую малость. – Оскар вел машину так уверенно, будто был ее живым продолжением. В его руках груда металлолома превращалась в перышко. Куда там кабинам.

– А я уж решила, что вы гость из прошлого, – усмехнулась я.

– Почти.

И вот, видя, как Кир глотает воздух и восхищается этой чудо-машиной, я лишь недоуменно моргаю. Альба и Ольви – тоже.

Мы топчемся у штаба четверть часа, а он никак не успокоится.

– Да, Dodge. Да, модифицированный. Крылья снял. И ступеньки, да. И капот, разумеется. Двигатель купил мощнее и новее, но машина действительно 1930-го. Где откопал? Долгая история. Нет, тот человек уже их не продает. – Оскар явно получает удовольствие от вопросов Кира.

– Вам не холодно, господа? – прерывает затянувшуюся беседу Альба и в надежде косится на штаб.

Здесь я с ней согласна.

– И то правда. Еще будет время пообщаться, – успокаивает Оскар.

– Обещайте, что прокатите! – продолжает сходить с ума Кир.

– Обещаю.

Штаб встречает нас запахом сырости, ведром с мутной водой и пачкой сухарей на кровати. Эти стены впитали ме-

ня настоящую. А теперь здесь гость из прошлого, выскочка, изобретатель и сестра того, кому я не оставила выбора. В моем доме. На моей территории. Мне страшно и дико соединять эти два мира. Я слишком разная в них. Разобранная на пазлы.

Оскар кратко рассказывает Киру обо всем, что с нами произошло, и «обезвреживает» его, подключив к запястью красную флешку. Мы с Матвеем и Ольви усаживаемся на кровать, и только Альба не спешит к нам присоединиться. Она касается всего, что помогло мне не утонуть в прошлом. Коробок, пыльных ковров, баночек с красками. Она вскрывает меня раз за разом, а мне нечем защищаться. Здесь моя кожа непозволительно тонка.

– Так вы пранки снимаете? – вытягивает меня из раздумий вопрос Ольви. – Надеюсь, меня в ваших планах нет?

– Надейся.

– А можно я когда-нибудь с вами сыграю? – Матвей зачарованно рассматривает молот клоуна.

– И я! – вторит ему Ольви.

– Можно, Матвей, – киваю я, не обращая внимания на реплику выскочки.

– Эй, красотка!

– На роль глухого, так уж и быть, возьму.

– Почему глухого?

– Потому что я просила называть меня по имени! – рычу я, отворачиваясь к окну, и упираюсь взглядом в Оскара и

Кира.

– Да звоню я ей, звоню! – говорит Кир, включая планшет. – А консультация по тоннелям не нужна?

– Нет, спасибо, – отказывается гость из прошлого.

В нашем городе сотни подземных ходов. До внедрения кармы там прятались от стрельбы и взрывов.

– Ну-у-у! Я там все лазейки изучил! – возмущается Кир.

– Мне дорога моя жизнь, – повторяю я, наверное, в сотый раз. Кир пытается затянуть меня туда еще со школы. – Звони своей красотке.

Карина отвечает быстро. О, эти белые волосы и перекошенный рот... я помню: в *тот* день асимметрия была особенной. В *тот* день ее губы украшала не алая помада, а душераздирающий крик. Но Утешительница оставалась милой даже в таком состоянии.

Я кошусь на друга. Пугливый зверек по имени Кир превращается в сердцеда с многозначительной улыбкой.

– Ты соскучился? – мурлычет Карина. – Ладно, скоро буду.

Минут через двадцать Кир исчезает за дверью. Я на цыпочках крадусь к выходу, а затем смотрю в замочную скважину.

– Как нехорошо, – цокает Ольви.

– Тебя забыла спросить.

Я не вижу их лиц, но это мне и не нужно. Утешительница обнимает Кира. В кармане ее платья что-то блестит. Я при-

смаатриваюсь – пропуск, белый с золотистой полоской.

В *тот* день она носила его на шее.

– Что за машина? – шепчет Карина, украшая слова ухмылкой. – Где ты ее откопал, котик?

– Да это приятель... приехал. Слу-у-шай, можно тебя кое о чем попросить?

Нет, нет, нет! Поцелуй и укради карту! Она же так близко!

– Что случилось?

– Одолжи...

Я с силой толкаю дверь. Карина теряет равновесие, Кир ловит ее, а я хватаю пропуск и запикиваю его в карман бриджей.

– Простите! – притворно сожалею я. – Мне так неловко!

– Снова вы... Твоя коллега, правильно, котик?

– Неправильно. Вы ошиблись домом. – Я увлекаю Кира в штаб и захопываю перед ее носом дверь.

– Сова, ты что, ревнуешь меня?

– Делать нечего! Ты чуть не проболтался о наших планах!

– Знаешь, на чем строятся отношения?

– На чем же?

– На доверии.

Я вспыхиваю.

– Так скажи своей кошечке сразу, что не защитишь ее, попадись вам на пути седой монстр! Зачем давать надежду? Думаешь, ты лучше тех, кого мы разыгрываем? Ни черта ты не лучше!

Напряжение, гнившее во мне, прорывается. Я больше не могу сдерживаться. Не могу быть доброй Шейрой.

Я просто не могу *быть*.

– А ты лучше? – выплевывает Альба.

«Ты лучше?» – стучит в висках.

– Встретимся вечером, – бросаю я, выбегая из штаба.

– В одиннадцать у второго блока, солнышко! – кричит вдогонку Оскар.

По пути я надеваю маску.

Холодно. Солнце не в настроении – оно устало греть. В этом мы с ним похожи.

Впереди сереет центральная площадь. Я не хочу домой, поэтому мчусь в другую сторону. Расталкиваю людей. Вслед сыплются крики.

Прости, Кир. Ты – искра, взорвавшая то, что копилось во мне. Ты не виноват, что у твоей подруги поехала крыша.

Толпа позади. Мрачными лабиринтами тянутся дворы.

Я останавливаюсь, чтобы отдышаться.

Изнанка небоскреба скрывает продуктовый магазин. Рядом светится игровой автомат. Из динамиков доносятся странные звуки. Наверное, раньше это была веселая мелодия. Я подхожу ближе. На экране светится надпись: «Лаборатория Ларса. Предсказываю судьбу абсолютно бесплатно! Поднесите индикатор к датчику!».

Посмотрим, на что ты способен, Ларс.

Мелькают латинские буквы. Строчка за строчкой бегут

неизвестные мне слова. Текст сдвигается, верхние предложения исчезают. Быстрее и быстрее.

Это программный код.

Числа, знаки умножения и деления... я ничего не понимаю и листаю дальше. Стройные ряды кружатся в бешеном танце.

Вот он, заголовок программы: «LarsExper1058». Я перепрыгиваю взглядом на строку ниже. «SHEYRA». Так Ларс назвал первую переменную.

Шейра. Он знает мое имя. Он... прочитал меня. От корки до корки.

Я с ужасом отдергиваю руку. На улице – никого. Из разъема под датчиком выезжает предсказание: «Хочешь выжить – остановись».

Ты опоздал, Ларс. На два дня.

Я выкидываю записку в урну.

Странная музыка начинает играть по второму кругу. На экране всплывает стартовая надпись.

Где ты, Ларс? Покажись. Я бы взглянула на того, кто презирает меня. К тебе еще не приходила девочка-убийца?

Я душу́ поток мыслей. Ветер гонит меня прочь. Я открываюсь ему и ныряю в спокойствие дворов.

Домой, скорее домой.

Я спешу в душ, чтобы утопить чужое любопытство.

В подъезде среди десятков связанных ящиков я нахожу свой. Серая железная коробка не закрыта: из нее выглядывает

вают вакуумные пакеты с кашей. Беру один и поднимаюсь к себе.

Принимаю ванну, после чего, покрасневшая, пью чай и падаю в объятия незастеленного дивана.

На часах – шесть вечера. Есть время насладиться кошмарами. В последний раз.

Сегодня они станут явью.

Глава 7

– Что это за шарик? – пристаёт Элла, пытаюсь сорвать с моей шеи кулон.

Мы сидим на траве. Где-то далеко предельный мир встречается с бесконечностью. Неестественная тишина давит на меня, но я не имею права жаловаться. Не имею права пугать сестру.

– Шейра, пожалуйста, расскажи о шарике! – не унимается она.

– Я нашла его во втором блоке.

Хотела порадовать Ника, а вместо этого – убила.

– Дай поносить!

– Нет, Элла. Он напоминает мне о друге.

– Пожалуйста!

Дернув за цепочку, сестра забирает шарик. Он распадается на две части. Как флешка.

Стоп. Это и есть флешка.

– Что ты натворила? – хмурюсь я. – Он же прозрачный...

– Иллюзия – страшная вещь. Подари мне его.

– Прости, не могу, – жмурюсь я.

– Подари! Подари, подари, подари!

– Нет. – Я открываю глаза, и желудок сжимается в спазмах.

Рядом сидит двенадцатилетняя старуха.

Будильник звенит по десятому кругу, а я до сих пор лежу. Губы дрожат.

Это просто кошмар. Очередной. Слышишь? Кошмар.

Моей крыше нужен суперклей, иначе она скоро поедет.

Я заставляю себя подняться. Плетусь к шкафу. В выдвижном ящике под горой помятой одежды спрятан тот самый шарик. Я продеваю цепочку в маленький разъем и дотрагиваюсь до кулона подушечками пальцев. Ничего необычного. Да, он состоит из двух частей, но они намертво припаяны друг к другу. Я вешаю подвеску на шею, чтобы прошлое было рядом. Сейчас я в нем нуждаюсь.

На планшете девять. Я надеваю сетевые линзы и мчусь в комнату с почтой. На стене мерцает тринадцать сообщений с подробным описанием нашей авантюры. От Матвея.

– Выучи наизусть, солнышко.

Это «солнышко» действует лучше любого удара. Отрезвляет, вытряхивает из головы лишние мысли... *Разъедает.*

– Зачем же так пугать? – Я оглядываюсь: в полумраке комнаты тонет силуэт Оскара.

– Не поверишь, но ты тоже меня напугала. – Он не шевелится. Наблюдает за мной, словно за подопытным зверьком.

– Что вам нужно?

– Просто знай: решение Матвея – огромный аванс. Я не

обижусь, если ты откажешься от дела.

– Волнуетесь за меня?

– Я за всех волнуюсь. – Впервые за разговор он моргает.

– Почему вы называете нас солнышками?

– Потому что вы – центр моих экспериментов. – Оскар начинает исчезать. Теперь он похож на гостя из прошлого больше, чем обычно.

– Починили глючный портал?

– Что?

– Ничего, – глотаю я смешок.

– Тогда выучи наизусть план, девочка. Меня с вами не будет. Слишком опасно. До связи. – Оскар окончательно растворяется в воздухе.

Я перечитываю сообщения, после чего тоже ныряю в свой «портал». Кидаю сетевые линзы в шкаф, натягиваю толстовку, беру золотистый пропуск.

Обижайтесь, гость из прошлого. Я не откажусь от дела.

Скоро, скоро, Элла, мы будем ближе на один шагок.

* * *

Дымка сглаживает грани второго блока, фонари заменяют звезды, спрятавшиеся за тучами. Между серыми плитами пробивается трава. Завтра ее не будет – Утешители любят порядок.

Город играет с ночными огнями. Я бы многое отдала, что-

бы с этой игрой он забыл обо мне.

Сейчас я топчусь неподалеку от блока. Дышу на ладони. Холодно. Толстовка не спасает от мороси.

– Пора на процедуры, – шипит кто-то на ухо.

Черт.

Нас раскололи Утешители? Я вновь кому-то понадобится?

Быстро же закончился мой второй квест. Или...

– Вы сговорились? Точно, это тест на слабонервность! – говорю я и отпрыгиваю.

– Шутка, красавица. Расслабься, – поправляя челку, смеется Ольви.

– Еще чуть-чуть – и ты нарвешься на мое худшее из настроений, – рычу я. – Где остальные?

Он кивает на стоящую чуть поодаль Альбу.

– Встретились по пути. Насчет Матвея – не знаю.

Над нами мигает фонарь: скоро у него сядет аккумулятор. А вместе с ним – мое терпение.

Когда мы в тысячный раз выныриваем из темноты, я вижу знакомую лысую макушку.

– Добрый вечер, – машет нам Матвей. – Готовы?

Я сжимаю в руке золотистый билет в лабиринты блока.

– Общем первый этаж. Выше – другие отделени... – Он внезапно осекается. – Альба, чего ты там мнешься? Иди к нам. Хм. Все читали план?

– Еще бы, – киваю я.

Квест начинается.

У двери светится считывающий экран. Я подношу пропуск к датчику. Вспыхивает фотография Карины, щелкает замок.

Болезненно-белые лучи пожирают ночной мир. Здесь всегда ярко. Я помню.

Ребята переступают порог, и на миг мы с Альбой остаемся наедине.

– Осторожнее с ножницами, Шейра.

– В одной лодке, – напоминаю я. – Либо все, либо никто.

– Угрожаешь?

– Размышляю.

В коридоре никого нет.

Тишину нарушает лишь слабое потрескивание ламп. Белыми полосами тянутся кабинеты, изредка сменяющиеся лифтами. Под потолком подмигивают красные огни камер.

Мы нарушаем спокойствие второго блока своими лихорадочными перемещениями. Без конца оглядываемся. Жмемся друг к другу. *Ищем.*

– А вот и гардероб. – Альба застывает у двери со значком вешалки.

Лучей из коридора недостаточно для полного освещения комнаты, но нам этого и не нужно. Мы роемся в первом попавшемся шкафу с размером «L» – подбирать форму нет времени – и надеваем поверх своей одежды белые рубашки и брюки. Я тону в костюме: пальцы прячутся за манжетами,

штаны спадают, хоть ремень затянут до предела. Я выгляжу как пациентка дурдома.

Завяжите мне рукава, чтобы я больше ни в кого не всадила ножницы.

У друзей дела не лучше: форма висит даже на высоком Матвее.

– Ничего так костюмчик. Презентабельный, – заключает Ольви. – Я слышал, Утешителям платят по пять гигов! За день!

– Почему не пошел работать на Семерку? – недоумевает Альба.

– Раньше была мода на системных аналитиков, – мечтательно вздыхает Ольви. – Эх, где же вы, студенческие годы...

– Не представляю тебя студентом. – Моя бывшая подруга застегивает последнюю пуговицу на рубаше. – Долго я в этом мешке не протяну.

– Бери пример с Шейры! Смотри, как уверенно держится. Кстати, я назвал тебя по имени, – обращается выскочка уже ко мне.

– Какая честь, – ахаю я.

– Хватит вам! – обрывает наши препирательства изобретатель. – Времени в обрез.

Мы продолжаем путь. Во втором блоке настолько тихо, что кажется, я читаю мысли ребят. Все боятся не успеть. Все считают секунды. И ждут тех, кто уничтожает без оружия.

Коридор разбивается на два крыла.

– Давайте разделимся, – предлагает Матвей.

Я не пойду с Альбой. *Не пойду*. Бездна во мне хочет жить.

– Мы с Шейрой обследуем правое... – сообщает он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.